

Александр Зиновьев

На пути к сверхобществу

Александр Зиновьев

На пути к сверхобществу

«Издательство АСТ»

2008

Зиновьев А. А.

На пути к сверхобществу / А. А. Зиновьев — «Издательство АСТ», 2008

В книге выдающегося русского ученого, мыслителя А.А. Зиновьева (1922–2006) дано систематизированное изложение методологических и логических основ его социологической теории. В работе формулируются категории и принципы разработанной им методологии, обеспечивающей научную достоверность и логическую строгость социологических исследований, вводятся базовые понятия его социологии, выявляются законы функционирования и развития социальных объектов и социальных систем. На этой основе строятся теории двух реально возникших в современной истории направлений, типов эволюции человечества – теория коммунизма и теория западнизма. Автор обосновывает концепцию, согласно которой на стадии сверхобщества, в которую вступает мир, развитие истории переходит из фазы естественно-исторической в фазу планомерно-управляемую.

© Зиновьев А. А., 2008

© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Теоретическая социология	6
Состояние социальных исследований	7
Научный подход	13
Язык	18
Определения	20
Экспликация понятий	22
Логические умозаключения	25
Логическая онтология	26
Эмпирические и абстрактные предметы	27
Индивид и множество (класс)	28
Атомарный объект	29
Состояние, изменение, событие	30
Переходное состояние	31
Необходимость, возможность, случайность	32
Подлинность и кажимость	33
Содержание и форма	34
Качество и количество	35
Социальные связи	37
Объективные законы	39
Субъективные и объективные факторы	42
Социальные законы	44
Законы диалектики	48
Эволюция социальных объектов	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Александрович Зиновьев

На пути к сверхобществу

Предисловие

Интерес к социальным проблемам у меня возник еще в ранней юности. Но обстоятельства сложились так, что моей профессией стала логика и методология науки. В течение нескольких десятилетий я разрабатывал свою логическую теорию. Результаты моих исследований я опубликовал в многочисленных работах, в том числе – в книгах «Основы логической теории научных знаний» (1967), «Логика науки» (1971) и «Логическая физика» (1972). Одной из особенностей моей логической теории является то, что она охватывает логические проблемы эмпирических наук, к числу которых относятся и науки социальные.

Мой интерес к социальным проблемам не ослаб. Но я стал их рассматривать как профессиональный логик, интересующийся социальными проблемами просто из личного любопытства, а не как профессиональный социолог, каковым я не был. Разумеется, мне пришлось знакомиться с сочинениями философов, социологов, историков и экономистов, имеющими отношение к интересовавшим меня социальным проблемам. Не буду перечислять их имена с целью демонстрации эрудиции, – я на это не претендую ни в какой мере. Читатель может найти имена этих авторов и справку о их вкладе в познание социальных явлений в бесчисленных справочниках и обзорных монографиях. Скажу здесь лишь то, что их сочинения, будучи любопытны в отдельных деталях, в целом ни в какой мере не отвечали моим потребностям. Даже в тех случаях, когда они казались мне приемлемыми в формулировках общих идей, они разочаровывали меня, когда авторы переходили к конкретным разъяснениям и применениям своих идей. А главное – все эти учения, на мой взгляд, совершенно не годились для научного понимания важнейших социальных феноменов современности – реального коммунизма, реального западнизма и величайшего перелома в социальной эволюции человечества, который произошел во второй половине нашего века.

Результаты моих размышлений об упомянутых социальных явлениях я начал публиковать в 1976 году и в последующие годы в контексте литературных и публицистических сочинений, а также в форме социологических эссе, в их числе – в книгах «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), «В преддверии рая» (1979), «Желтый дом» (1980), «Коммунизм как реальность» (1981), «Кризис коммунизма» (1990), «Гибель империи зла» (1994), «Русский эксперимент» (1995), «Запад» (1996) и «Глобальный человек» (1997). В этой книге дается более или менее систематическое изложение социологических идей автора, рассчитанное на широкий круг читателей, интересующихся социальными проблемами нашего времени.

Мюнхен, 1999 А. Зиновьев

Часть первая

Методологический очерк

Теоретическая социология

В этой книге с самого начала речь пойдет о социальных явлениях. Но в первой части мы будем рассматривать правила и средства их познания. Причем не любые, а только такие, о которых полезно знать исследователю-одиночке (скажем – теоретику), обладающему лишь своим природным мозгом, некоторым образованием, общедоступной печатной информацией и возможностью самому наблюдать какие-то явления человеческой жизни. Это не значит, что знание таких правил и средств не нужно прочим людям, интересующимся социальными проблемами. Это не значит также, что исследователям-одиночкам не нужны другие правила и средства познания. На этот счет никаких ограничений нет. Это значит лишь то, что без таких средств и без соблюдения таких правил никакой исследователь-одиночка достичь научного понимания интересующих его явлений не сможет. В этом очерке сообщается, разумеется, не вся методология теоретических исследований социальных явлений, а лишь минимум из нее, необходимый для более или менее адекватного понимания последующего изложения. Должен предупредить читателя, что излагаемые в этом очерке методологические мысли не являются общепринятыми, так что я не могу порекомендовать никакие другие сочинения по логике и методологии науки, кроме моих работ, упомянутых в предисловии.

Состояние социальных исследований

Социальные объекты (явления, предметы, феномены) суть объединения людей и люди как члены этих объединений. О социальных объектах думают, говорят, пишут и читают фактически все нормальные взрослые люди. Причем даже самая примитивная мысль человека о каком-то социальном объекте есть либо его собственное открытие, либо заимствована у других людей, сделавших это открытие. Так что всякий человек – в какой-то мере исследователь социальных объектов. Говоря о социальных исследованиях, я буду иметь в виду всю сферу думания о социальных объектах, а не только профессиональные исследования.

Оказавшись в числе исследователей социальных объектов в таком широком смысле слова, я был поражен следующим фактом. Коммунистический социальный строй просуществовал в Советском Союзе и других европейских странах несколько десятков лет, изучением его занималось огромное множество специалистов, а за все эти годы о нем не было напечатано ни строчки, заслуживающей звания науки. Это можно вроде бы объяснить тем, что советские правители и идеологи препятствовали поиску и правде о реальном социальном строе страны. Но многие советологи на Западе насочиняли тонны всякого вздора о реальном коммунизме, в котором найти зерно истины еще труднее, чем найти жемчужину в куче навоза. А сколько разоблачительных страниц насочиняли советские диссиденты, и ни одно слово в них не соответствует критериям научного понимания реальности. А уж они-то вроде бы должны были стремиться к истине!

И уж совсем не укладывается в рамки здравого смысла тот факт, что все известные мне теории и концепции западного общества оказались так же далекими от реальности социального строя западных стран, как сочинения советских авторов – от советской реальности. А ведь западные авторы вроде бы не испытывали ограничений свободы творчества, какие имели место в коммунистических странах для их коллег. В чем, спрашивается, тут дело?

Особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них, постоянно имеют с ними дело. Они должны уметь жить в качестве социальных объектов и в их среде. Для этого они должны как-то познавать их, что-то знать о них. Они приобретают свои знания в ходе воспитания, обучения и образования, от общения с другими людьми, на личном опыте, из средств информации, из литературы и фильмов. Таким путем у них складываются свои представления о социальных объектах, можно сказать – житейские или обывательские представления. В слово «обывательские» я здесь не вкладываю никакого негативного смысла. На этом уровне о социальных объектах думает подавляющее большинство представителей рода человеческого. Причем степень развитости таких представлений у различных людей различна. У большинства она примитивна, у многих высока. Но эти различия суть различия в рамках одного типа.

Что-то знать о социальных объектах и научно понимать их – это далеко не одно и то же. Можно много знать, но при этом мало что понимать, тем более – понимать на научном уровне. Обывательские представления о социальных объектах имеют ничтожно мало общего с их научным пониманием. Тем не менее гигантское число дилетантов высказывается о них, сочиняет бесчисленные книги и статьи. В наше время положение в этом отношении приняло поистине гротескные формы и катастрофические размеры. Интеллектуальный аспект человечества оказался не в меньшей мере загаженным словесным мусором и помоями, чем природная среда продуктами и отходами современной промышленности. Чуть ли не каждый мало-мальски образованный человек считает себя специалистом в понимании явлений своего общества только на том основании, что он имеет какой-то опыт жизни в нем и кое-что знает о нем. Такие дилетанты воображают, будто нет ничего проще, чем понимание явлений, которые они видят своими глазами, среди которых они живут, в которых принимают участие и кото-

рые сами творят. А те из них, кто занимает высокое положение в обществе, известен и имеет возможность публичных выступлений, считают себя и признаются другими за высших экспертов в сфере социальных явлений. Люди верят президентам, министрам, королям, знаменитым актерам и даже спортсменам больше, чем профессионалам в исследовании социальных явлений, хотя эти высокопоставленные личности и знаменитости обычно несут несусветный вздор, а он больше соответствует обывательским представлениям, чем суждения профессионалов. Последним верят тогда, когда они занимают высокое положение, признаются и поощряются властью имущими и погружают свои профессиональные достижения в трясину обывательского сознания и идеологии. *Таково первое серьезное препятствие на пути научного познания социальных явлений.*

Для самосохранения человеческих объединений, для упорядочивания совместной жизни больших масс людей и для управления ими жизненно важно то, что и как люди думают о социальных явлениях. Суждения о последних неизмеримо сильнее затрагивают интересы различных категорий людей, чем суждения о других явлениях бытия. Потому эта сфера изначально находилась и находится теперь под неусыпным контролем идеологии, включая идеологию религиозную. Идеология характеризуется определенной целью относительно человеческих объединений и определенными средствами ее достижения. Ее цель – формирование сознания людей в соответствии с требованиями самосохранения объединения и манипулирование поведением людей путем воздействия на их сознание, а не познание реальности. Она использует данные познания и опирается на них, но лишь как средство. Она отбирает в них то, что отвечает ее цели, и подвергает такой обработке, какая требуется для более эффективного воздействия на умы и чувства людей в желаемом духе. В результате создаваемая идеологией картина социальных явлений оказывается искаженным отражением реальности или вообще вымыслом.

Идеология навязывается членам человеческих объединений и так или иначе препятствует познанию социальных явлений. Эта роль идеологии была очевидна в коммунистических странах, в которых имела место канонизированная государственная идеология. Если бы марксизм был научным пониманием коммунизма, он должен был бы утверждать неизбежность и в коммунистическом обществе социального и экономического неравенства, необходимость государства и денег, неизбежность классов и других явлений, считавшихся язвами капитализма, и тогда он не имел бы массового успеха. И в западных странах, и в современной России, которые считаются неидеологическими, на самом деле засилие идеологии не только не уступает таковому в Советском Союзе, но значительно превосходит его. Конечно, идеология в них имеет другие формы и средства воздействия на людей. Однако и в них она выполняет функцию оболванивания людей. В частности, она прививает людям идеализированные представления о западном социальном строе и всячески очерняет коммунистический строй.

Вот так и получилось, что защитники коммунизма создавали ненаучную картину коммунистического общества, раздувая то, что они считали его достоинствами, и затушевывая то, что считалось недостатками «антагонистических» обществ, а критики коммунизма создавали и ныне создают тоже ненаучную картину коммунизма, изображая его как воплощение зла и умалчивая о его достоинствах или искажая их. То же самое имело место в отношении социального строя западных стран (западнизма) и имеет место теперь, причем в гораздо более изощренных формах и в более грандиозных масштабах. Как на Западе, так и в Советском Союзе научное понимание западнизма было исключено.

В настоящее время идеологическое очернение коммунизма и приукрашивание западнизма приняло неслыханные ранее размеры как на Западе, так и в бывших коммунистических странах. Так что теперь о научном понимании как коммунизма, так и западнизма и речи быть не может.

Таково второе серьезное препятствие на пути научного понимания социальных явлений.

И третье препятствие на пути научного познания социальных объектов – гигантская армия людей, профессионально занятых в сфере науки. Дело в том, что надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добывающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и научный подход к этим объектам. Лишь для ничтожной части этих профессионалов научное познание есть самоцель. Научный подход к социальным объектам составляет лишь ничтожную долю в колоссальной продукции сферы профессиональных социальных исследований. Остановлюсь кратко на том, в каком виде мне представились социальные исследования, когда я проявил более или менее устойчивый интерес к ним как исследователь, а не просто из праздного любопытства, причем как исследователь с «поворотом мозгов», радикально отличающимся от такового у профессионалов, занятых в этой сфере, добывающих в ней для себя хлеб насущный и добывающихся в ней жизненного успеха.

Социальные объекты суть эмпирические (опытные, видимые, наблюдаемые) объекты. В исследовании их затруднен и ограничен, а в основном вообще исключен лабораторный эксперимент в том виде, в каком он применяется в естествознании. Исследователи добывали сведения о социальных явлениях путем личных наблюдений, знакомства с источниками, в которых были зафиксированы результаты наблюдений других исследователей и очевидцев событий, знакомства со всякого рода документами и свидетельствами. Главными орудиями исследования были средства наблюдения фактов и логические средства – сравнение, отбор, обобщение, абстрагирование, классификация, определения понятий, умозаключения, гипотезы и т. д. Причем эти логические средства были в том виде и ассортименте, в каком они были описаны в сочинениях по логике и методологии науки и стали известны исследователям. А это был довольно бедный логический аппарат, который сам по себе ограничивал возможности осмысления эмпирического материала, доступного исследователям.

В XIX веке был разработан и получил широкую известность диалектический метод (диалектика). Но его постигла печальная участь.

Гегель, который сделал самый значительный вклад в диалектику, мистифицировал ее в большей мере, чем кто-либо другой. Он ограничил число законов диалектики несколькими, перечисление которых и стало основным содержанием текстов на эту тему. Маркс взял диалектику на вооружение в своих сочинениях и несколько рационализировал ее. Но он не дал ее систематического построения, ограничившись отдельными разрозненными замечаниями. Энгельс придал диалектике вид учения о всеобщих законах бытия, распространив ее на сферы, где она была лишена смысла (даже на математику), и оторвав ее от сферы социальных явлений, где она была бы на своем месте. Обычным примером закона единства и борьбы противоположностей стали отношения плюса и минуса в математике и отношения пролетариата и буржуазии в социологии. В таком понимании из этого закона (как и из прочих) испарился всякий научный смысл. Преодолев гегелевскую идеалистическую мистификацию законов диалектики, марксизм принес с собой материалистическую вульгаризацию их. Последователи Маркса и Энгельса связали диалектику прежде всего с идеологией и политикой, изобразив ее как оружие пролетариата, как «алгебру революции». В странах победившего коммунизма диалектика в предельно упрощенном виде стала составной частью государственной идеологии. Нет ничего удивительного в том, что диалектика стала предметом насмешек. Одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта фактически было извращено и опошлено, во всяком случае – было исключено из арсенала орудий научного познания социальных явлений.

Пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики. Социальные объекты возникают исторически и со временем изменяются, причем иногда так, что превращаются в свою противоположность. Они многосторонни, обладают одновременно различными свойствами, порою – противоположными. Они взаимо-

связаны. Причины и следствия меняются ролями. Одни и те же причины порождают противоположные следствия. Развитие социальных объектов происходит путем дифференциации их свойств и обособления этих свойств в качестве особых свойств различных объектов, происходит раздвоение единого. Всему есть своя мера, нарушение которой ведет к разрушению объектов или к возникновению нового качества. Короче говоря, диалектики прошлого обратили внимание на реальные явления жизни и эволюции социальных объектов, а современные исследователи этих объектов, боясь упреков в почтении к диалектике как идеологической доктрине, игнорируют это или не используют на уровне методологии научного познания, отрезая тем самым для себя возможность такого познания.

В XX веке к рассмотренным выше методам добавились методы «конкретной» («эмпирической») социологии – сбор и обработка статистических данных о явлениях, имеющих злободневный интерес, а также опрос определенным образом отобранных людей по заранее разработанным анкетам (вопросникам) и обработка результатов этих опросов. Во второй половине века эти эмпирические методы захватили почти безраздельное господство в сфере социальных исследований, оттеснив на задний план теоретические (логические) методы традиционной социологии.

Не буду оспаривать пользу эмпирических методов для решения частных задач. Но было бы ошибочно, на мой взгляд, преувеличивать их достаточность и надежность. Их результаты зависят от субъективного произвола исследователей и опрашиваемых, от случайностей, от априорных установок и предвзятых убеждений, от пропагандистских целей и политической ситуации. Эмпирическими данными до такой степени переполнены все сообщения средств массовой информации и профессиональная литература, что можно констатировать своего рода террор эмпиризма. Числа, величины, проценты, свидетельства отобранных граждан, отсортированные факты и т. п. – это все кажется на первый взгляд бесспорным и убедительным. А между тем ничто так не искажает реальность, как манипулирование этими «бесспорными» величинами и фактами. Эмпирические методы социальных исследований стали не столько методами научного познания, сколько методами пропаганды и идеологического оболванивания масс.

Конечно, ни в какой другой сфере исследования исследуемые объекты не рассказывают о себе сами, как это имеет место с социальными объектами. Но трудно сказать, чего больше от таких помощников исследователя – пользы или вреда. Многие ли письменные свидетельства прошлого заслуживают доверия?! Многие ли из них адекватны сущности исторических событий?! Люди впадают в заблуждения, подвержены всяким влияниям, способны к обману. Люди могут думать одно, а делать другое. Их настроения и мнения меняются. Так что даже в тех случаях, когда требуется выяснить, что именно люди думают о какой-то проблеме, их признания и опросные данные далеко не всегда надежны. А когда нужно исследовать структуру человеческих объединений, взаимоотношения их сфер, слоев населения, классов, партий и прочих явлений, их функционирование и закономерности, то опрашивать мнение людей обо всем этом – значит заранее исключать всякую возможность научного понимания. Электроны, атомы, хромосомы, молекулы, животные и прочие объекты, не обладающие разумом, молчат, но они по крайней мере не врут, не клеветают, не хвастаются и не обладают прочими пороками, свойственными разумным существам.

Для построения целостной теории коммунизма, западнизма и того типа человеческих объединений, какие стали формироваться после Второй мировой войны, методы «конкретной» социологии не годились очевидным образом. Обращаться к массам людей с вопросами о том, что они думают по поводу проблем, в которых сами опрашиваемые не смыслят ничего, по меньшей мере нелепо. Однако в одном отношении «конкретная» социология сделала колоссальный шаг вперед по сравнению с по преимуществу теоретической социологией предшественников. Заключается этот шаг в разработке и применении количественных методов.

В сфере социальных исследований величинам социальных объектов и их измерениям не придавалось почти никакого значения вплоть до возникновения «конкретной» социологии. Если исследователям и приходилось обращать внимание на количественный аспект изучаемых явлений, то они довольствовались самыми примитивными сведениями, какие могли почерпнуть из исторических источников, или сравнительными оценками вроде «больше», «меньше», «увеличилось», «уменьшилось», «в два раза», «во много раз» и т. п. После Второй мировой войны положение резко изменилось. Началась буквально оргия величин. Теперь редко речи и публикации на социальные темы обходятся без ссылок на статистические данные, на величины, полученные в результате социологических опросов, на результаты математических вычислений, причем даже с использованием современной интеллектуальной техники. Социологические работы с использованием математического аппарата, требующего специальной подготовки, стали обычными. Можно сказать, началась эпоха количественного взгляда на социальные явления.

Это, конечно, не случайно. Наше время – время социальных явлений огромного масштаба. Измерение и вычисление их величин приобрело первостепенное практическое значение. Около шести миллиардов человек на планете, огромное множество стран и народов, сотни тысяч больших и миллионы малых объединений людей, миллионы предприятий и организаций, гигантские страны и блоки стран, исчисляемые астрономически огромными величинами ресурсы, затраты, продукты производства... Одним словом, за что ни возьмешься, имеешь дело с тысячами, миллионами, миллиардами. Можно сказать, что величины обрели качественный смысл.

В этом буйстве и торжестве величин есть один аспект, который мы не можем обойти вниманием, если хотим удержаться на научном уровне или подняться на него. Заключается он в следующем. Бесспорно, публикуемые количественные данные имеют значение для научного понимания социальных объектов такого рода, какие интересуют нас здесь. Более того, без них не обойдешься. Но эти данные так или иначе отбираются специалистами и препарируются. Их можно интерпретировать самым различным образом. Изобилие величин стало не столько средством достижения истины, сколько средством ее сокрытия. Этими величинами исследователь может воспользоваться в интересах истины лишь в том случае, если он заранее имеет ориентировочное представление о том, где эта истина лежит и в чем примерно она заключается, т. е. лишь как подкреплением и развитием результатов познания, добытых каким-то иным путем. Из этих количественных данных самих по себе невозможно извлечь научную социальную теорию, отвечающую требованиям логики и методологии науки. Они могут быть использованы для построения и развития такой теории, для верификации (проверки) ее отдельных положений. Но что именно измерять и вычислять, как и с какой целью, это зависит от теоретических средств, а не наоборот.

Теоретический подход к социальным объектам имеет иную ориентацию, чем эмпирически-практический, доминирующий в современной сфере социальных исследований. Например, с помощью методов «конкретной» социологии можно установить шансы того или иного кандидата стать президентом страны, но абсолютно невозможно выяснить фактический статус самой должности президента в той или иной системе власти. Можно установить уровень безработицы и предсказать ее эволюцию на несколько лет вперед, но невозможно выяснить реальные причины этого феномена. И отношение к количественному аспекту исследования иное. Те количественные данные, которые необходимы для построения такой теории, либо отсутствуют совсем, либо не публикуются, либо требуются большие усилия, чтобы их выуживать из океана ненужной информации.

Из комбинации рассмотренных выше явлений сложился своеобразный способ сочинительства и разговоров в сфере социальных явлений, который я называю интеллигентски-обывательским способом мышления. Для него характерны такие черты. Не стремление к ясности и

к истине, а стремление произвести нужное впечатление на слушателей или читателей, создать видимость знаний, ума, глубины мысли, оригинальности и т. п. Сказать много, но хаотично и тенденциозно. Блеснуть эрудицией. Ссылаться на известные авторитеты прошлого и настоящего. Профессионально извращать позицию противников. Уклоняться от риска. Манипулировать множеством словесных штампов выгодным для себя способом. Из множества частных истин конструировать суммарную и результатную ложь. Прятать ложь в массе отдельных истин подобно тому, как сравнительно умные преступники прячут преступления в массе по отдельности непреступных поступков. Короче говоря, принимать участие в словесных спектаклях на тех ролях, какие удастся захватить в жизненных ситуациях. Этот способ мышления в наше время высочайшего уровня образованности, средств информации и общения стал характерным для состояния умов в сфере социальных проблем.

Научный подход

Но в чем заключается научный подход к социальным явлениям? В наше время расцвета науки и ее колоссальной роли в жизни человечества найти человека, который был бы против такого подхода и который считал бы свои суждения ненаучными, вряд ли возможно. Важно, как именно понимается этот подход и как он реализуется фактически.

Слово «наука», как и вообще вся терминология сферы социальных исследований и разговоров, неоднозначно. Этим словом называют всякую более или менее систематизированную совокупность знаний, на овладение которыми нужно профессиональное обучение. В этом смысле в число наук попадают и алхимия, и астрология, и теология, и советология, и кремлинология, и кулинария... Наукой называют также совокупность знаний, которая характеризуется определенными целями и определенным подходом к изучаемым явлениям, определенным способом мышления и исследования. Буду такой подход к исследуемым явлениям называть научным. Я вижу задачу логической социологии в том, чтобы разработать такой подход в применении к социальным явлениям.

В этой части книги я хочу охарактеризовать самые фундаментальные черты научного подхода к исследуемым явлениям (можно сказать – научного «поворота мозгов»). Читатель не должен при этом рассчитывать на то, что я буду преподносить ему какие-то сенсационные открытия на этот счет. Те черты научного подхода, о которых я буду говорить, широко известны. Для представителей естественных и точных (дедуктивных) наук некоторые из них суть нечто само собой разумеющееся. Они тут навязываются самими условиями исследования и высоким уровнем профессионализма. В них не суют нос с претензией на поручительство никакие политики, журналисты, бизнесмены, известные артисты и спортсмены, государственные и партийные чиновники. Иное дело – сфера социальных исследований. Тут чем сложнее проблемы с научной точки зрения, тем настырнее в них суют нос именно политики, журналисты, чиновники, бизнесмены и прочие значительные личности, причем суют нос с претензией на открытия, понимание и поучительство. Тут отстаивание научного подхода к социальным явлениям надо начинать именно с самых фундаментальных и очевидных принципов.

Далеко не все, что делается в сфере профессиональных социальных исследований, может служить примером научного подхода к социальным объектам. Не все, что делается вне этой сферы, должно быть отнесено к ненаучному подходу. Научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он больше нужен в профессиональной науке и чаще тут встречается. Но нет запретов на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг.

Научный подход не есть нечто одинаковое для всех людей и для всех ситуаций познания. Он может иметь различные степени развитости, различные степени четкости, различные степени «растворенности» (концентрации) в общем объеме мышления и познания. Обычные, средненормальные люди так или иначе овладевают какими-то элементами научного подхода или даже сами открывают их, не отдавая себе в этом отчета. И даже выдающиеся мастера научного подхода так или иначе покидают позицию научного подхода и отдаются во власть обывательского и идеологического способа мышления. Так, один из самых выдающихся умов в истории человечества – Маркс – создал в общем и целом величайшую в истории нерелигиозную идеологию, а не науку, хотя стремился к научному пониманию общества и был убежден в том, что создал именно таковое. Сколько лет марксизм превозносился как самая что ни на есть подлинная наука об обществе! Сколько миллионов людей было в этом убеждено и все еще убеждено! Точно так же обстоит дело с западной сферой социальной мысли, в которой на самом деле доля научного подхода не превышает таковую в марксизме.

Научный подход, повторяю, образует не одна или несколько общепонятных и общедоступных идей, а сложная совокупность средств, принципов, правил и т. д. познания. Некоторые из них, самые простые, доступны широкому кругу более или менее образованных людей. Для овладения другими нужны годы специального образования и опыт исследовательской работы. Третьими могут овладеть лишь немногие интеллектуально одаренные исключительные личности.

В общей словесной форме принципы научного подхода к исследуемым объектам выглядят очень простыми и бесспорными. К их числу относится прежде всего принцип субъективной беспристрастности, т. е. познание объектов такими, какими они являются сами по себе, независимо от симпатий и антипатий исследователя к ним и не считаясь с тем, служат результаты исследования интересам каких-то категорий людей или нет. Сам по себе научный подход не гарантирует истину. Он может впадать в заблуждения. Но его целью является все-таки истина, а не воздействие на умы и чувства людей, не имеющее ничего общего с познанием. Фраза «Платон мне – друг, но истина дороже» тут не просто крылатое изречение, а обязательное правило.

Позиция исследователя, руководствующегося принципами научного подхода к социальным явлениям, подобна позиции исследователя, наблюдающего муравейник. Заметив, например, разделение муравьев на различные категории, исследователь не становится защитником интересов одних из них, не раздражается гневом по поводу какой-то несправедливости, не предлагает никаких проектов более разумного и справедливого переустройства муравейника. Научный подход к социальным явлениям означает беспристрастное отношение к ним, отсутствие эмоциональной вовлеченности в отношения между людьми, безразличие к интересам тех или иных категорий людей. Он означает также правдивое описание изучаемых явлений, не считаясь с тем, какие чувства у людей это может вызвать. Но люди и их объединения по самой своей природе таковы, что они скорее примирятся с ложью о себе, чем с неприятной для них научной истиной. Они воспринимают такую истину как разоблачение своих сокровенных тайн, как клевету и как угрозу. Не случайно самопознание было истолковано в Библии как первородный грех. А в наше время беспристрастное научное познание социальных объектов стало фактически всеобщим табу. Огромное число представителей рода человеческого стоит на страже этого табу, допуская к жизни лишь крупички истины, к тому же обработанные так, что в них не остается яда познания.

Требование беспристрастности в отношении объектов неживой и живой дочеловеческой природы очевидно. Да и то порою исследователи не могут избавиться от своих симпатий и антипатий по отношению к объектам, с которыми имеют дело. А в сфере социальных объектов отношение исследователей к личностям, массам, движениям, партиям, классам, социальным системам и т. д. накладывает свою печать на то, что они говорят и пишут о них. Тут субъективизм и тенденциозность суть обычное дело. Устанавливаются оценочные штампы. Например, считается, что демократия – это хорошо, а диктатура – плохо, что коллективизация в России была злом, сталинизм был преступлением, советский период был черным провалом русской истории, Запад есть средоточие всех добродетелей, Советский Союз был империей зла. Попробуйте проанализировать с этой точки зрения то, что сообщается в средствах массовой информации на социальные темы, и вы вряд ли обнаружите беспристрастные (нетенденциозные) суждения. При ознакомлении советских людей с марксизмом всегда сообщали, что Маркс и Энгельс перешли на позиции пролетариата, и считали это признаком научности, а учения «буржуазных» мыслителей считали ненаучными уже на том основании, что они были на позиции буржуазии. А между тем именно классовая позиция Маркса была одной из причин, сбивших его с научного подхода к обществу и к социальной эволюции на идеологический.

Научный подход, далее, означает то, что исследователь в познании объектов исходит из наблюдения реально существующих объектов, а не из априорных (предвзятых) представлений,

мнений, предрассудков. Социальные объекты суть эмпирические, т. е. наблюдаемые людьми посредством их природных органов чувств и усиливающих их приспособлений. Если таких объектов нет в реальности, то не может быть никакой науки о них. Измышления о несуществующих эмпирически объектах наукой не являются. Это вроде бы очевидно. Но фактически этот принцип постоянно нарушается и даже умышленно игнорируется не только на уровне обывательского мышления, но и в сфере профессиональной науки. Еще совсем недавно, например, считалось широко признанным убеждение, будто наука о «полном коммунизме» («научный коммунизм») возникла уже в прошлом веке, хотя этого полного коммунизма не было якобы даже в Советском Союзе.

При этом исходили не из фактически данной советской реальности, а из утверждений людей, никогда не живших в реальном коммунистическом обществе, причем высказывавших свои суждения о коммунизме, когда его еще не было в реальности даже в виде первой его стадии, называвшейся социализмом. А многие мыслители шли в этом направлении еще дальше. Они полагали (думают так до сих пор), будто советский коммунизм был построен неправильно, поскольку согласно Марксу он должен был выглядеть совсем иначе. С точки зрения научного подхода к реальному коммунизму надо поступать как раз наоборот, а именно – брать за исходное то, как в реальности сложился социальный строй в Советском Союзе в силу его конкретных исторических условий и объективных социальных закономерностей, и смотреть, насколько созданная Марксом воображаемая картина будущего для него общества соответствует этой реальности. Неправильной тут является не реальность, а априорная теоретическая концепция, применяемая к ней.

Точно такая же ситуация сложилась и в отношении к современному социальному строю западных стран. Общепринято считать его капиталистическим с экономической точки зрения и демократическим с политической точки зрения. Причем капитализм и демократия описываются так, как это сложилось в XIX веке и в первой половине XX века в западной идеологии. И до сих пор тысячи специалистов упорно жуют и пережевывают эти ставшие бессмысленными представления, игнорируя тот очевидный факт, что социальный строй западных стран радикальным образом изменился, что во второй половине нашего века в этом отношении на Западе произошел качественный перелом. И даже самые умные и трезвые западные теоретики говорят об отклонении нынешней экономической и политической системы Запада от некоего правильного капитализма и некой правильной демократии.

Научный подход означает, что исследователь познает то, что существует, возможно, невозможно, необходимо, случайно, закономерно и т. д., независимо от того, познает это исследователь или нет, а не выдумывает то, что должно быть или чего не должно быть по его мнению. Позиция долженствования не есть позиция научная.

Социальные объекты суть объекты исторические, т. е. возникают в какое-то время, существуют в конечном временном интервале и в конце концов прекращают существование. Кажется естественным, что научный подход к ним должен заключаться в изучении конкретной истории их конкретных экземпляров. Но эта кажимость ошибочна.

Не изучение конкретной истории дает ключ к научному пониманию социального объекта, а, наоборот, изучение сложившегося (до известной степени) объекта дает ключ к научному пониманию конкретного исторического процесса его формирования. Надо знать то, что сложилось в результате исторического процесса, чтобы понять, как это происходило в истории.

Надо различать два вида подхода к социальным явлениям как к историческим – два вида историзма. Один из них можно видеть в истории как особой сфере науки. Ее основная установка – выяснение того, что конкретно происходило в таких-то районах планеты в такое-то конкретное время, а также выяснение того, как конкретно возникали, существовали и погибали конкретные социальные объекты. И в современности предмет внимания историков – конкретные события, личности, даты. Второй вид историзма можно видеть в социологических кон-

цепциях, так или иначе учитывающих исторический характер социальных объектов, а также рассматривающих эти объекты с точки зрения их эволюции во времени. Тут не конкретное пространство и время принимается во внимание, а обобщенные пространственно-временные характеристики объектов того или иного рода.

О социологических концепциях я уже говорил. Что касается конкретных исторических исследований, то тут положение не лучше, чем в социологии. Не берусь судить, в какой мере прошлая история человечества сфальсифицирована умышленно, в силу неумения специалистов и идеологического давления. Думаю, что в достаточно большой мере, чтобы не принимать ее свидетельства как надежные. История же современная (происходящая на наших глазах), охватывающая все самые важные явления социальной жизни человечества нашего века, сфальсифицирована и фальсифицируется с таким размахом и настолько изощренно, что искать тут какие-то прочные опоры для научного подхода бессмысленно.

Научный подход к социальным объектам предполагает, наконец, следование правилам логики и методологии науки. И это требование кажется бесспорным, само собой разумеющимся. Вряд ли вы найдете человека, который с ним не согласился бы. И опять-таки фактически лишь ничтожное число исследователей и в ничтожной мере следуют ему. Почему? Конечно, многие умышленно нарушают правила, о которых идет речь. Но это не значит, будто они знают эти правила. Обычно они их не знают вообще или знают на самом примитивном уровне. Подавляющее большинство говорящих и пишущих на социальные темы просто не умеют пользоваться этими правилами. Лишь самые примитивные из этих правил и на самом примитивном уровне усваиваются как бы сами собой, просто в практике образования и работы. Но в более сложных случаях без специального изучения этих правил следовать рассматриваемому принципу невозможно, подобно тому, как невозможно без специального обучения правилам грамматики того или иного языка грамотно писать на этом языке.

Но мало сказать, что исследователь должен следовать правилам логики и методологии науки. Важно, как понимаются сами эти правила, каков их ассортимент, насколько они соответствуют потребностям познания. Если, например, вы хотите строго определять понятия, но не знаете различий между определениями и утверждениями, а из видов определений знакомы только с самыми примитивными определениями путем указания родовых и видовых признаков объектов, то вашему намерению грош цена. А попробовав найти в логических сочинениях полезные советы на этот счет, вы убедитесь, что хорошо разработанной, общепринятой и пригодной для неспециалистов в логике теории такого рода не существует. Так обстоит дело и с прочими разделами логики и методологии науки. Ее состояние фактически не соответствует задаче обеспечения научного подхода к социальным проблемам современности. В моей логической социологии я стремился хотя бы в какой-то мере компенсировать этот недостаток.

Научный подход к социальным объектам в каком-то смысле есть развитие на профессиональном уровне того явления в интеллектуальной деятельности людей, которое часто называют здравым смыслом, народной мудростью и ясновидением. Здравый смысл (в моем понимании) есть способность человека, которая основывается, во-первых, на знании некоторых очевидных эмпирических фактов и на интуитивном понимании некоторых простейших социальных законов и, во-вторых, на интуитивном следовании некоторым простейшим законам логики. Это выражается в изречениях народной мудрости, например «Своя рубашка ближе к телу», «Избави меня, Боже, от моих друзей, а от врагов я избавлюсь сам», «Наши недостатки суть продолжение наших достоинств», «Как аукнется, так и откликнется» и т. п. Здравый смысл противостоит тому явлению в человеческом интеллекте, из которого развивается профессиональное идеологическое мышление.

Результаты научного исследования эмпирических объектов фиксируются в знаниях об этих объектах. Эти знания можно рассматривать в трех аспектах – языковых средств, объективного содержания и способов получения. Они суть аспекты единого феномена. Тем не менее

они различны. В первом из них мы абстрагируем правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями как особыми объектами, отличными от объектов, к которым они относятся. Этими правилами занимается логика в традиционном смысле (формальная логика) – правилами построения определений понятий и суждений и правилами умозаключений. Во втором аспекте речь идет об обобщенном описании эмпирических объектов, к которым относятся языковые образования. Этим занимается онтология в традиционном смысле – наука о познаваемом эмпирическом мире. И в третьем аспекте имеются в виду действия исследователей, предпринимаемые ими с целью получения суждений об объектах. Обобщенным описанием этих действий занимается гносеология, она же эпистемология, или учение о методах познания в традиционном смысле. Как они это делают – это другой вопрос. Ниже я изложу ряд соображений об этих трех аспектах, которые совершенно необходимы для понимания социологических рассуждений автора.

Язык

Наши взаимоотношения с миром, в котором мы живем, опосредованы языком. Это опосредование играет для нас гораздо более серьезную роль, чем это принято думать. Здесь мало сказать, что эта роль большая или даже огромная, – слова «большая» и «огромная» в данном случае равным счетом ничего не говорят о качестве играемой роли, которая количественно может быть и незначительной. Мы, люди, обладаем определенными свойствами, сложившимися в результате длительной социально-биологической эволюции. Мы живем в определенных исторически данных условиях. И потому мы из поколения в поколение вынуждаемся выделять в окружающем нас мире лишь определенные явления, вынуждаемся выделять их определенными, доступными нам способами, вынуждаемся отражаемые нами явления фиксировать в определенных средствах языка. Мы оперируем этими средствами, не отдавая себе отчета в их происхождении и их логических свойствах. Мы узнаем при этом в мире лишь то, что позволяют нам эти средства и к чему они нас принуждают. До поры до времени они вполне достаточны для нашей ориентации в мире, для фиксирования нашего жизненного опыта и результатов познания. Но в познании возникают ситуации, когда оперирование привычными языковыми средствами становится серьезным препятствием на пути к пониманию явлений природы и общества, ведет к заблуждениям и путанице. Чтобы выбраться из таких затруднений, требуется специальное изучение и усовершенствование имеющихся языковых средств, а также изобретение новых.

Логическое усовершенствование языка до известной степени освобождает человека от той негативной власти, какую имеет над его сознанием плохое состояние языка. Но оно навязывает человеку позитивную власть языка в том смысле, что обнаруживает границы возможного и неизбежного.

Общеизвестно различие обычного и научного языков. Первый считается естественным, поскольку он является продуктом многовекового творчества всего народа, говорящего на том или ином конкретном языке. Второй считается искусственным, поскольку он является продуктом творчества сравнительно небольшого числа специалистов в течение сравнительно короткого периода времени. Взаимоотношения обычного и научного языков многообразны. Я хочу здесь остановиться только на некоторых вопросах в связи с этим, имеющих интерес с точки зрения цели книги.

Научный язык базируется на обычном языке и не может существовать без него в качестве языка. Уничтожение обычного языка привело бы к уничтожению и языка науки – последний стал бы непонятным. Граница между обычным и научным языками в некоторой мере относительна, исторически условна. Часть терминов и высказываний из научного языка переходит в обычный. Современный обычный язык даже среднеобразованных людей переполнен терминами, утверждениями и идеями, заимствованными из психологии, медицины, социологии, физики и других областей науки и техники. Научные открытия и технические изобретения вторгаются в обычную жизнь людей, в литературу, в прессу, в телевидение и в кино вместе с их особыми языковыми средствами. С другой стороны, средства обычного языка используются в науке для введения специальных терминов науки и разъяснения их смысла, а на первых порах вообще образуют основу для формулирования и развития новых научных идей и открытий. Короче говоря, в наше время сложился своего рода второй уровень обычного (вненаучного) языка, по богатству понятий и мыслей в огромной степени превосходящий обычный язык в традиционном смысле. Но отнюдь не превосходящий его с точки зрения уровня логической культуры. Понятия и утверждения науки, попадая в сферу обычного языка, трансформируются в нем по смыслу до такой степени, что лишь чисто графическая или звуковая форма напоминает об их первоисточнике.

В сфере социальных исследований сложилось такое положение, что лишь отдельные фрагменты ее языка и лишь частично удовлетворяют критериям логики и методологии науки. А основная масса слов живет и функционирует по правилам дологического, внелогического и псевдологического мышления. Это особенно сильно ощущается в теоретической социологии, где именно логические средства должны играть главную роль. А тут вы не найдете буквально ни одного термина, который можно было бы признать логически правильно обработанным. Тут вы можете насчитать десятки различных определений «капитализма», «рынка», «демократий», «государства», «культуры», «идеологии» и прочих основных понятий. Тысячи специалистов манипулируют словами как особыми объектами, не отдавая отчета в их предметном смысле. Они обучаются манипулировать ими применительно к определенным контекстам и ситуациям по принятым в их среде правилам, мало общего имеющим с интересами познания.

Размышляя на темы о реальном коммунизме и западнизме, а также о происходящем эволюционном переломе, я пришел к выводу, что для научного понимания этих феноменов необходимо прежде всего осуществить логическую обработку языка социальных исследований. Причем эта обработка должна охватить не отдельно взятые понятия, а весь их комплекс. Результатом ее должна явиться не сумма разрозненных фрагментов, а целостная теория (система, концепция), построенная в соответствии с правилами логики и методологии науки. Мыслители прошлого, создававшие теоретические системы, подвергались насмешке напрасно. Они чувствовали, что научный подход к социальным явлениям может быть практически реализован именно в форме всеобъемлющих теоретических систем. Иное дело – «техническая» реализация верной идеи. Она зависит от многих факторов, в том числе – от состояния самой логики... Ниже я изложу мои соображения об определении и экспликации понятий.

Определения

Определить объект – значит определить обозначающее его языковое выражение. Последнее называется понятием. Определить объект и определить понятие об объекте – это одно и то же.

Общеизвестны определения путем указания родовых (общих) и видовых (специфических, отличительных) признаков. Например, «Ромбом называется (ромб есть) четырехугольник, у которого все стороны равны». В социальных исследованиях приходится иметь дело с объектами, в отношении которых родовидовые определения совершенно недостаточны. Тут требуется более совершенная и сложная техника определения понятий. И исследователи фактически пошли этим путем, не отдавая себе в этом отчета и смешивая неявные определения слов с утверждениями об объектах, обозначаемых вводимыми в употребление словами. Я анализировал с этой точки зрения многие известные общие социологические концепции и нашел, что все они, будучи в основном феноменами в сфере определения понятий, претендуют на статус совокупностей утверждений об эмпирически данных объектах, относительно которых вроде бы не должно быть сомнений в смысле их обозначения (названия).

А между тем тут имеет место существенное различие. Утверждения об эмпирических объектах имеют значения истинности (ложны, истинны, неопределенны и т. п.), а определения не имеют. Они ни истинны, ни ложны. Они характеризуются иными признаками. Они суть решения исследователя называть какими-то словами выделенные им объекты. Они характеризуются тем, соблюдены или нет правила определения смысла терминологии, насколько они полны и насколько четко выражены с точки зрения правил рассуждений (выводов), насколько удачно выбраны объекты для исследования той или иной проблемы.

Между определениями и утверждениями имеет место логическая связь. В общем виде она такова: если принимается определение, согласно которому определяемый объект А имеет признак В, то тем самым принимается как аксиома утверждение, что А имеет признак В. Например, если принято определение «Ромб есть четырехугольник, у которого все стороны равны», то это равносильно принятию аксиом «Ромб есть четырехугольник» и «У ромба все стороны равны». Таким путем из определений можно выводить чисто логически следствия. Или, например, если вы в определение понятия «общество» включили в качестве одного из определяющих признаков наличие в человеческом объединении государственной власти, то из этого следует, что всякое общество имеет государственную власть, и если в объединении нет такой власти, то объединение не есть общество.

Надо различать определения объектов и перечисление их различных функций, форм и состояний. В определении объекта указываются только такие признаки, которые сохраняются при всех обстоятельствах, пока существует объект. Функции же, формы и состояния объекта могут меняться и разнообразиться. В практике словоупотребления, определяющие признаки объектов и такие, которые по идее в определениях не должны фигурировать, не различаются. Это – один из источников неопределенности и многосмысленности терминологии. В определениях объектов стремятся втиснуть все, что известно об этих объектах. А так как у разных авторов знания различны, то каждый считает свое понятие об объекте единственно правильным, а прочие – неправильными. Или происходит мысленное умножение объекта, говорится о его качественном изменении и т. п. В результате простые проблемы запутываются и становятся неразрешимыми.

При рассмотрении сложных социальных объектов, состоящих из многих различных объектов, приходится давать определения объекту в целом и его компонентам. При этом должно быть построено одно сложное определение, расчлененное на ряд частичных определений, а не просто некоторое число разрозненных определений. В этом сложном определении между его

частичными определениями и определением в целом должна иметь место логическая связь. Объект в целом должен быть определен через его составные части, а части – в отношении друг к другу и к целому. В логике этот тип определения не описан должным образом. В дальнейшем нам с такими определениями придется иметь дело неоднократно. Забегая вперед, упомяну здесь об определении общества и его социальной организации совместно с определениями основных компонентов этой организации – государства, экономики и других. Если брать элементы этого сложного комплекса по отдельности и изолированно друг от друга, они превращаются в предмет бесконечного словоблудия. А будучи взяты именно как элементы единого комплекса, они оказываются сравнительно простыми для понимания.

Приведу еще один прием, который также я ввел в логическую социологию и неоднократно использовал (он пригодится и в дальнейшем). При теоретическом исследовании объектов некоторого данного типа мы вправе выбрать для наблюдения их наиболее развитые и четко выраженные экземпляры. Рассматривая их, мы стремимся найти самое абстрактное их определение – идем от конкретного к абстрактному. При этом мы руководствуемся таким принципом. Самые абстрактные признаки объектов, включаемые в их исходное определение, суть признаки, определяющие их качество. Они сохраняются, пока существуют объекты. Они образуют «нижнюю» эволюционную границу объектов. Найдя такое исходное определение, мы восходим от него к высшему уровню развития объектов – идем от абстрактного к конкретному. При этом мы прослеживаем реальное развитие потенций объектов, изначально заложенных в их определенном выше качестве. В процессе развития абстрактные признаки в конце концов достигают уровня, на котором они воплощаются в особые структурные компоненты объектов, – реализуются в виде, близком к абстрактному «чистому» виду. Это и позволяет в конкретных наблюдаемых объектах найти их абстрактные основы и проследить процесс их развития от их исторического и логического начала до качественного «потолка», предела.

Главным в определениях с точки зрения их роли в познании социальных объектов является не нахождение слова для обозначения выбранного объекта, а процесс выбора объекта и выделения его признаков, которые указываются в определяющей части определения. От того, какие именно объекты исследователь выбирает и какие именно признаки в них выделяет, зависит успех исследования в целом. Тут имеет место свобода выбора. Но она ограничена интересами, возможностями и предполагаемыми результатами исследования. Выбор слова для сокращения того, что говорится в определяющей части определения (т. е. для краткого обозначения объекта, выделенного определением), кажется делом полного произвола исследователя. Но и тут есть свои ограничения. Они вынуждают прибегать к особой логической операции – к экспликации понятия.

Экспликация понятий

Одно из требований логики и методологии науки – определенность и однозначность терминологии. А если вы обратитесь к сочинениям на социальные темы, то первое, что вы заметите, это игнорирование этого требования. Все основные понятия (без исключения!) здесь являются многосмысленными, расплывчатыми, неустойчивыми или вообще утратили всякий смысл, превратившись в идеологически-пропагандистские фетиши. Просмотрите хотя бы небольшую часть только профессиональных (т. е. совсем не худших) сочинений на социальные темы, и вы найдете десятки различных значений слов «общество», «государство», «демократия», «капитализм», «коммунизм», «идеология», «культура» и т. д. Люди вроде бы употребляют одни и те же слова и говорят об одном и том же, но на самом деле они говорят на разных языках, лишь частично совпадающих, причем манипулируют словообразными феноменами, как правило, лишенными вразумительного смысла.

Такое состояние терминологии не есть лишь результат того, что люди не договорились относительно словоупотребления. Дело тут гораздо серьезнее. Имеется множество причин, делающих такое состояние неизбежным. Назову некоторые из них. Различаются явления, которые ранее не различались. Обращается внимание на различные аспекты одних и тех же явлений. Происходят изменения объектов внимания. Многие люди размышляют о социальных явлениях и высказываются о них, а у всех у них различный уровень понимания и различные интересы. Люди употребляют одни и те же слова в различных контекстах и с различной целью. Многие умышленно замутняют смысл терминов. К тому же логическая обработка терминологии требует особых профессиональных приемов и навыков, которыми почти никто не владеет. Просмотрите из любопытства справочники, в которых даются определения социальной терминологии. Приглядитесь к ним внимательнее. И даже без специального образования вы можете заметить их логическое убожество. А ведь эти определения создаются знатоками! Так что же на этот счет творится в головах у прочих?

Бороться против этой многозначности и неопределенности слов путем апелляции к требованиям логики и призывов к однозначности и определенности слов – дело абсолютно безнадежное. Никакой международный орган, наделенный чрезвычайными языковыми полномочиями, не способен навести тут порядок, отвечающий правилам логики. Сколько в мире печаталось и печатается всякого рода словарей и справочно-учебной литературы, которые стремятся к определенности и однозначности терминологии, а положение в мировой языковой практике нисколько не меняется в этом отношении к лучшему. Скорее наоборот, ибо объем говоримых и печатаемых текстов на социальные темы возрос сравнительно с прошлым веком в тысячи раз и продолжает возрастать, а степень логической их культуры сократилась почти что до нуля.

Возможно ли преодолеть трудности, связанные с неопределенностью и многосмысленностью языковых выражений, которые стали обычным состоянием сферы социального мышления и говорения? В науке для этой цели была изобретена особая логическая операция – экспликация языковых выражений. Суть этой операции заключается в том, что вместо языковых выражений, характеризующихся упомянутыми неопределенностью и многосмысленностью, исследователь для своих строго определенных целей вводит своего рода заместителей или дубликаты этих выражений. Он определяет эти дубликаты достаточно строго и однозначно, явным образом выражает их логическую структуру. И в рамках своего исследования он оперирует такого рода дубликатами или заместителями выражений, циркулирующих в языке, можно сказать – оперирует экспликатами привычных слов. Обычно в таких случаях говорят об уточнении смысла терминологии. Но тут мало отмечать аспект уточнения, ибо экспликация к уточнению не сводится. К тому же уточнение есть некоторое усовершенствование наличных языко-

вых средств, тогда как в случае экспликации имеет место нечто более серьезное: фиксируется полная непригодность данных выражений и вводятся дубликаты, заместители для них.

Задача экспликации состоит не в том, чтобы перечислить, в каких различных смыслах (значениях) употребляется то или иное языковое выражение, и не в том, чтобы выбрать одно какое-то из этих употреблений как наилучшее (т. е. подобрать объект для слова), а в том, чтобы выделить достаточно определенно интересующие исследователя объекты из некоторого более обширного множества объектов и закрепить это выделение путем введения подходящего термина. Особенность ситуации тут состоит в том, что вводимый термин является не абсолютно новым языковым изобретением, а словом, уже существующим и привычно функционирующим в языке именно в качестве многосмысленного и аморфного по смыслу выражения. Возникает, естественно, вопрос: а почему бы тут не ввести совершенно новый термин? Часто так и делается. Но тогда эта операция не является экспликацией. При экспликации использование старого слова имеет вполне серьезные основания. В случае введения совершенно нового термина создается впечатление, будто речь пойдет о чем-то другом, а не о таких объектах, к которым так или иначе относятся привычные слова. Например, когда я вводил термин «коммунизм» как экспликат этого слова в широком разговорном языке, мне многие читатели советовали изобрести другое слово, поскольку каждый понимает коммунизм по-своему. Но я все же настаивал именно на этом слове, поскольку оно ориентировало внимание именно на тот объект, который меня интересовал и мое понимание которого, отличное от обывательских и идеологических представлений, я хотел изложить.

Экспликация стремится ориентировать внимание читателя на те объекты, о которых читатель уже имеет некоторые представления, но она при этом стремится придать такой поворот мозгам читателя, какой необходим (по убеждению автора) для научного понимания этих объектов. Главным в этой операции является именно поворот мозгов, который стоит за определением слов, а не сами эти определения, как таковые. Так что ошибочно рассматривать экспликации слов просто как одно из употреблений многосмысленных слов в дополнение к уже имеющимся смыслам.

В случае экспликации понятий читателю сообщается новый способ понимания объекта, о котором у читателя уже накоплена какая-то сумма знаний, можно сказать – уже имеется интуитивное представление об объекте. Задача исследования при этом заключается в том, чтобы, осуществив экспликацию интуитивного представления об объекте и опираясь на нее, предложить читателю нечто новое, что невозможно узнать без такой логической работы ума. Так что читатель должен быть готов к тому, что в последующем изложении многое ему покажется известным и даже банальным, и отнестись к этому с терпением и терпимостью. Главная трудность в сфере социальных исследований состоит не в том, чтобы делать какие-то сенсационные открытия неведомых фактов, наподобие микрочастиц, хромосом, генов и т. п. в естественных науках, а в том, чтобы увидеть значимость общеизвестных и привычных явлений, осмыслить их и обнаружить именно в них закономерности грандиозных исторических процессов и огромных человеческих объединений.

В текстах на социальные темы, включая относящиеся к сфере науки, специальные термины употребляются, как правило, в логически плохо обработанном или совсем необработанном виде. Чтобы эти тексты приобрели какую-то осмысленность, они нуждаются в дополнительных истолкованиях (в интерпретациях) и примысливаниях (в частности – в том, что называют чтением между строк). Задача экспликации состоит в том, чтобы исключить такого рода интерпретации и примысливания, которые различны у различных людей, неустойчивы, многосмысленны, изменчивы. Одно из требований научного подхода к изучаемым объектам – сделать тексты осмысленными сами по себе, вычитывать в них то, и только то, что в них содержится без всяких интерпретаций и примысливаний. На практике добиться этого почти невозможно или возможно лишь в ничтожной мере. Для этого требуется хорошо разработан-

ная логическая теория, которой нет, требуется специальное образование, которое никто не получает, и требуются гигантские усилия. Достаточно сказать, что если бы даже было возможно осуществить полностью логическую экспликацию текстов, то получились бы тексты, в десятки и даже сотни раз превосходящие по объему эксплицируемые тексты. Оперирование ими было бы невозможно. А если учесть интеллектуальное убожество подавляющего большинства таких текстов, то вообще, как говорится, игра не стоит свеч. И ко всему прочему люди, производящие такие тексты, не заинтересованы в логической ясности и определенности – они имеют цели, мало общего имеющие со стремлением к научной истине.

Логические умозаклучения

Подавляющее большинство рассуждений, претендующих на то, чтобы считаться логичными, таковыми на самом деле не являются. Они являются псевдологичными, логичнообразными или в лучшем случае лишь частично логичными.

Логичными являются рассуждения (умозаклучения), совершаемые по особым логическим правилам. Относительно природы этих правил в логике до сих пор нет ясности. Возьмем для примера умозаклучение по одному из правил силлогизма, которое является наиболее широко известным. В общей форме оно имеет такой вид: «Если все предметы, называемые словом А (относящиеся к классу А), имеют признак В и предмет С называется словом А (относится к классу А, есть А), то предмет С имеет признак В». Обычно это правило иллюстрируют таким примером: «Все люди смертны, Сократ человек, значит, Сократ смертен». Почему это правило имеет силу? На этот счет философы насочиняли тома всякой чепухи. Согласно моей логической теории, это правило есть часть определения языковых знаков «Все», «имеет признак» и «относится к классу» (или «есть»).

Возьмем другой пример. Общепринято, что эмпирическое тело не может одновременно находиться в разных местах. Почему? Обычно говорят: таков закон природы. Но природа тут ни при чем. Это утверждение есть следствие из определения языкового выражения «разные места». Попробуйте определить, какие места в пространстве считаются разными! Тут возможны два варианта. Первый. Места А и В являются (называется) разными, если для любого эмпирического тела С имеет силу следующее: если тело С находится в одном из мест А и В, то оно не находится в другом. Из такого определения очевидным образом следует рассматриваемое утверждение. Второй вариант есть ослабление первого: вместо любого тела С (вместо всех эмпирических тел) говорится лишь о некоторых телах. В первом варианте предполагается, что разные места не пересекаются (не имеют общих «точек»), во втором допускается, что разные места пересекаются. Для второго варианта рассматриваемое утверждение неверно.

Одним словом, логические правила умозаклучений (правила логических умозаклучений) суть части определений языковых выражений (логических операторов и терминов) или следствия из таких определений. Обычно они остаются неявными и фрагментарными, люди пользуются ими безотчетно и по привычке, причем фактически очень редко. Если вы попытаетесь четко выявить (эксплицировать) логическую структуру рассуждений на социальные темы полностью, вы обнаружите, что более 99 процентов текстов строится совсем не по правилам логических умозаклучений, а размер эксплицированных текстов будет в десятки раз превосходить эксплицируемые тексты. Обычные рассуждения создают видимость логичности за счет примеров, привычных словесных ассоциаций, неявных допущений, словесных штампов и других совсем не логически бесспорных средств.

Правила логики являются общими для любых наук, в которых для них есть условия и необходимость. Они не образуют специфическую дедуктивную основу социальных исследований. Последнюю образуют определения языковых выражений, обозначающих социальные объекты, и утверждения об этих объектах. Поскольку результаты социальных исследований фиксируются в языке и сами исследования осуществляются в языке, к ним относятся и правила логики. К рассмотренным выше логическим правилам следует добавить совокупность определений и утверждений, образующих логическую онтологию.

Логическая онтология

Приведу далеко не полный список понятий, с помощью которых строятся знания об эмпирических объектах и описывается в логически обобщенном виде содержание этих знаний (т. е. то, о чем в них говорится): предмет (объект), признак (свойство, черта, характеристика), отношение, раньше, позже, одновременно, временной интервал, момент, дальше, ближе, на том же расстоянии, между, внутри, структура, состояние, существование, изменение, переход, процесс, ряд, развитие, деградация, простое, сложное, часть, целое, система, качество, количество, возможность, необходимость, случайность, связь, причина, следствие, тождество и т. п. Все эти понятия необходимы для описания знаний о социальных объектах как объектах эмпирических. Многие из этих понятий как-то обработаны в логике и методологии науки, но общее состояние является, на мой взгляд, неудовлетворительным. Все эти понятия должны быть эксплицированы в том разделе логики, который я называю здесь логической онтологией. Это – огромная работа, которая еще должна быть проделана. Мои суждения на этот счет читатель может найти в моих работах, упомянутых в предисловии. Здесь ограничусь отдельными замечаниями, полезными для понимания социологических идей.

Эмпирические и абстрактные предметы

Фиксируя эмпирические предметы в языковых выражениях, мы вольно или невольно осуществляем абстракции, т. е. принимаем во внимание одни признаки предметов и игнорируем другие. В большинстве практически важных случаев мы предполагаем, что предметы обладают и другими признаками, и воспринимаем выделенные и зафиксированные в языке их признаки лишь как своего рода метки. Но очень часто мы относимся к отраженным в языке предметам так, будто они обладают лишь известными нам признаками и не обладают другими. Такого рода уродами, чудовищами или, наоборот, совершенствами нам представляются чуть ли не все явления нашей общественной жизни, глубоко затрагивающие интересы людей, – правительства, партии, массовые движения, идолы политики и культуры, оппозиции, экономики, свобода, диктатура, демократия и т. д. Власть языка порою оказывается здесь настолько мощной, что отраженный в языке кусочек реальности кажется гораздо более реальным, чем сама реальность во всем ее объеме, со всеми ее позитивными и негативными свойствами. Если, например, в языковых выражениях вроде «демократические свободы», «народовластие», «равенство», «личная инициатива» отражены некие положительные (с точки зрения некоторой категории людей) свойства данного общественного устройства, то обозначаемые этими выражениями общественные феномены рассматриваются исключительно как абсолютные социальные добродетели. Тот факт, что с этими добродетелями в реальности неизбежно связано какое-то зло, что в иных условиях это зло преобладает, игнорируется. А если в языковых выражениях вроде «диктатура», «неравенство», «ограничения демократических свобод» отражены некие отрицательные явления общественной жизни, то обозначаемые ими феномены рассматриваются как абсолютное зло всегда и при всех обстоятельствах.

Язык позволяет нам создавать термины таких предметов, которые в принципе не могут существовать эмпирически, – абстрактных предметов. Примером таких абстрактных предметов могут служить «материальные точки» в физике – допущения физических тел, не имеющих пространственных размеров. К той же категории абстрактных предметов относятся всякого рода «духовные» существа, не обладающие телом, абсолютно проницаемые для других тел и сами способные проникнуть через любое материальное препятствие.

Индивид и множество (класс)

Объекты (предметы) могут рассматриваться с точки зрения сходных признаков (свойств), т. е. как представители множеств (логических классов) объектов с такими признаками, и с точки зрения их индивидуальности (неповторимости, уникальности). Это – разные аспекты познания, а их обычно смешивают или по крайней мере не различают. В первом аспекте у объектов выделяются отдельные признаки, которые могут быть у других и более объектов, а во втором выделяется совокупность признаков, какая присуща только одному объекту, и никакому другому объекту в мире вообще, или предполагается наличие у объекта такой совокупности признаков. Имеются средства такой индивидуализации объектов. Это обычно указание на пространственно-временные характеристики и отличительные признаки, заведомо неповторимые. Возьмем, например, Октябрьскую революцию 1917 года в России. Она есть представитель множества (класса) революций, что фиксируется словом «революция». Ее индивидуальность фиксируется словами «Россия» и «Октябрь 1917 года». Революций в истории человечества было много, а Октябрьская революция 1917 года в России всего одна, и другой индивидуальный объект, который может быть назван этими словами, никогда не был и не будет.

То, что сказано выше, входит в определение самих понятий. И это надо помнить при рассмотрении социальных объектов. Игнорирование имеющего здесь место различия ориентации внимания является широко распространенной логической ошибкой и умышленным идеологическим приемом запутывания проблем. Обычно берут социальное явление как индивидуальное, т. е. как неповторимое, и подгоняют его под какую-то (подходящую) общую схему, т. е. переключают внимание на признаки, присущие множествам объектов. В результате сущность явления, связанная именно с его индивидуальностью, испаряется, ее затемняют общими разговорами. Таким путем, например, создали идеологически ложную картину сталинизма, рассматривая его с точки зрения его сходства с гитлеризмом, создали идеологически ложную картину социально-политической системы посткоммунистической России, рассматривая ее по аналогии с некоторыми признаками западных стран.

Выделение сходных (общих) признаков у различных объектов есть одно из важнейших средств познания этих объектов. Но это – лишь одно из средств, причем ограниченное определенными правилами. В социальных исследованиях приходится иметь дело зачастую с индивидуальными (уникальными, неповторимыми) объектами. Например, в мире существует только один неповторимый западный мир, существовал только один советский коммунизм, существует только одно человечество и т. д. Абстрактные допущения о возможности аналогичных явлений на других планетах не отменяют необходимости при исследовании упомянутых явлений прибегать к средствам познания, ориентированным именно на их уникальность, а не ограничиваться ни к чему не обязывающими общими разговорами.

Атомарный объект

Атомарным (или элементарным) объектом для данной сферы исследования (для данной предметной области) является такой объект, который не расчленяется на другие (частичные) объекты, а все прочие объекты этой сферы рассматриваются как объединения атомарных. Атомарность тут относительна. За пределами данной сферы атомарный объект может рассматриваться как сложный. В сфере социальных исследований атомарным объектом является отдельно взятый человек, причем взятый исключительно как член объединений людей, т. е. как существо социальное. В биологии человек рассматривается как сложный объект.

Атомарность относительна также в том смысле, что сложные объекты, состоящие из атомарных, рассматриваются в зависимости от свойств атомарных. При этом выделение тех или иных объектов как атомарных и их свойств в этом качестве зависит от того, какие сложные объекты предстоит исследовать. Тут зависимость двусторонняя. Например, в социальном исследовании нам даны как эмпирические факты объединения именно людей, и мы, естественно, берем людей в качестве социальных атомов, выделяя в них свойства, необходимые для понимания объединений людей.

Состояние, изменение, событие

Когда речь идет о состоянии объекта, предполагается некоторый временной интервал, и внимание ориентируется на то, что можно сказать об объекте в этом интервале.

Изменение объекта фиксируется путем сопоставления его состояний в различные временные интервалы, следующие один за другим. Если эти состояния различны, то говорят об изменении объекта. Частные случаи изменения – возникновение и исчезновение объектов.

Слово «событие» употребляется как обозначение возникновения, изменения (смены состояний) и исчезновения объектов (например, произошла революция, началась война, разразился кризис, рухнула социальная система и т. д.). События именно происходят, случаются. Они происходят в какое-то время. Интервал времени, в течение которого они происходят, сравнительно невелик или не принимается во внимание, т. е. внимание ориентируется на сам факт события.

Переходное состояние

В случае с эмпирическими предметами между этими двумя состояниями имеет место еще третье состояние – переходное. Это состояние характеризуется тем, что в это время невозможно установить, существует предмет (уже или еще) или нет, обладает он некоторым свойством или нет, находится в данном месте или нет и т. д. Таким образом, в случае изменений приходится иметь дело не с двумя состояниями, а с тремя – с двумя определенными (или статичными) и одним неопределенным, переходным. Этот факт послужил одним из источников идей неклассической (многозначной) логики.

В рассуждениях об общественных событиях и процессах принимать во внимание особенности переходных состояний точно так же в высшей степени важно. Не все утверждения, правомерные в отношении статичных состояний, правомерны в отношении переходных. В частности, многие утверждения, истинные в отношении советского общества в брежневский период, лишены смысла в отношении сталинского периода. Нелепо, например, говорить о нарушении неких норм советской жизни в сталинское время, если эти нормы еще не сложились, если они еще были в процессе формирования.

Неопределенности в суждениях о переходных состояниях возникают не только из-за трудности или даже невозможности обнаружить и точно фиксировать те состояния вещей, которые позволяют говорить о том, что произошло изменение, но из-за сложности самих переходных состояний. Например, процесс десталинизации страны в Советском Союзе не был кратковременным мероприятием хрущевского руководства. Он начался задолго до смерти Сталина, растянулся на многие годы, происходил во всех сферах жизни общества и во всех районах страны. Если мы точно определим, что такое сталинизм как специфическое явление в советской истории и во всей советской жизни, в отличие от того состояния советского общества, которое стало нормой для него в результате десталинизации, то мы столкнемся с затруднениями в применении суждений, имеющих безусловную силу в отношении классически-сталинского периода и в отношении, допустим, брежневского периода, к некоторым годам незадолго до смерти Сталина и после его смерти. Многие явления сталинизма утратили силу во многих учреждениях, сферах жизни и районах страны еще до смерти Сталина, многие же продолжали существовать даже после доклада Хрущева. Потому в этот период возникали постоянно бесперспективные дискуссии, например по проблеме, преодолен сталинизм («ошибки периода культа личности») или нет.

Необходимость, возможность, случайность

Понятия необходимости, возможности и случайности относятся к событиям. Между ними имеют место чисто формальные (знаковые) отношения. Например, событие считается возможным, если, и только если не является необходимым то, что оно не происходит; событие считается случайным, если, и только если оно не является необходимым. В онтологическом аспекте устанавливается то, когда именно события могут считаться необходимыми, возможными и случайными. Например, событие считается необходимым относительно данных условий, если событие такого рода происходит всегда, когда имеются эти условия: событие считается случайным относительно данных условий, если возможно, что оно не происходит при этих условиях. В логической онтологии может быть разработана система таких утверждений, позволяющих вполне осмысленно оперировать рассматриваемыми понятиями.

Обращаю внимание на то, что рассматриваемые понятия применимы на онтологическом уровне лишь к объектам как представителям множеств (классов) однородных объектов. Они имеют смысл лишь при определенных условиях. Событие может быть необходимым (или случайным) относительно одних условий и случайным (соответственно – необходимым) относительно других условий.

Оценка событий как необходимых, возможных и случайных ничего еще не говорит о роли этих событий в тех или иных ситуациях. Например, событие может быть случайным в некоторых условиях, но сыграть решающую роль в отношении другого события в связи с совокупностью обстоятельств, породивших это другое событие. Приезд Ленина в Россию в 1917 году был случайным событием относительно условий, породивших революционную ситуацию. Но это событие в совокупности обстоятельств, породивших Октябрьскую революцию, сыграло решающую роль. Аналогично избрание Горбачева на пост главы КПСС было случайным событием относительно соответствующих процедур организации КПСС, но это событие сыграло решающую роль в советской контрреволюции после 1985 года в совокупности с прочими событиями, породившими ее.

Подлинность и кажимость

Социальные объекты состоят из людей. Люди выполняют какие-то функции и совершают соответствующие им действия не ради самих этих функций и действий, а лишь постольку, поскольку могут существовать и удовлетворять свои интересы благодаря этим функциям и действиям. Они стремятся производить на других людей выгодное для себя впечатление, скрывать какие-то свои намерения, раскрытие которых может принести им ущерб, вводить других людей в заблуждение относительно себя и впадать в заблуждения относительно самих себя. В результате признаки социальных объектов разделяются на две группы. К первой из них относятся такие признаки объектов (т. е. людей), которые характеризуют их независимо от их стремления выглядеть для других выгодно для себя. Ко второй группе относятся признаки, характеризующие социальные объекты в том виде, в каком они стремятся себя показать другим. Для первых признаков будем употреблять слово «подлинность» (или «сущность»), для вторых – «видимость» или «кажимость» (часто употребляется слово «явление» в смысле именно кажимости).

Подлинность и видимость далеко не всегда совпадают. Видимость выставляется напоказ и преувеличивается, а подлинность затушевывается, маскируется, скрывается и даже отрицается как реальность. В наше время способности и возможности людей придавать социальным явлениям видимость, не соответствующую их подлинности (сущности), достигли высочайшего уровня. Все люди в той или иной мере обучаются этому. Этим занимаются многочисленные специалисты, специальные учреждения, средства массовой информации, политики, дипломаты, деятели культуры. Если принимать за чистую монету бесконечные речи партийных вождей, парламентариев, президентов и прочих личностей, фигурирующих на сцене истории, то можно подумать, будто они ночи не спят, думая о благе народов. Но главным в их спектаклях является не стремление решать проблемы наилучшим образом в интересах тех, кого они касаются непосредственно, а стремление решать наилучшим для себя образом проблемы своего положения в ситуации, когда они вынуждены проявлять заботу о других.

В наше время аспект видимости в большом числе (если не в большинстве) жизненно важных случаев приобрел такие масштабы, формы и значение, что оттеснил аспект сущности на задний план, взял над ним верх и сам стал выглядеть как сущность объектов. Произошло своего рода эволюционное оборачивание. Наиболее высоко развитые человеческие объединения стали превращаться в сборище социальных актеров. В паре «Быть или слыть» вторая установка стала играть более важную роль для людей. Дураки стали выглядеть как мудрецы, моральные уроды – как образцы добродетелей, преступники – как опора законности. Безобразие – как красота. Мощнейшая система воспитания, образования и идеологического оболванивания создала вымышленный мир кажимостей, занявший в жизни людей более важное место, чем мир сущностей.

Содержание и форма

Известно, что власть в одних западных странах, считаемых демократическими, является монархической, а в других – республиканской. Это – виды демократической власти. Возьмем монархическую власть. Она имеет место в некоторых западных странах, которые считаются капиталистическими, и в странах с феодальным социальным строем. Но можно ли считать капитализм и феодализм видами монархии? Тут возникает затруднение. Очевидно, тут мы сталкиваемся с отношением между признаками объектов, отличным от отношения между общими признаками и частными. В диалектике для этого отношения была выработана пара понятий «содержание» и «форма». В нашем примере монархическая и республиканская власть суть формы государственной власти.

Пара понятий «сущность» и «кажимость» фиксирует отношение между объектами и познающими их субъектами, а пара понятий «содержание» и «форма» – отношение между различными признаками одних и тех же объектов. При этом исследователь различает в самом объекте то, что характеризует объект как ответ на вопрос «Что имеет место реально (или что происходит)?», и то, что характеризует тот же объект как ответ на вопрос «Как (в каком виде) это «что» существует (или происходит)?».

Различие содержания и формы социальных объектов относительно, но не произвольно. Порою оно принимает такие размеры, что даже профессиональные исследователи в своих сочинениях удваивают одни и те же объекты. Например, многие западные авторы, критикующие западную систему власти, утверждают, будто она не является подлинной демократией или является нарушением последней. А между тем «подлинная» демократия, о которой они говорят, есть содержание реальной демократии, а то, что они считают отступлением от нее, есть реальная и закономерная форма ее существования.

Взаимоотношения содержания и формы разнообразны. Одно и то же содержание может выражаться в разных формах – объекты могут быть сходны по содержанию и различны по форме. Объекты могут быть сходны по форме, но различны по содержанию – одна и та же форма может выражать различное содержание. Отношение содержания и формы характеризуется степенью соответствия. Эта степень заключена в пределах от полного несоответствия до полного соответствия. Со временем она меняется. Может форма отставать от содержания. Может, наоборот, содержание отставать от формы. Имеет силу социальный закон тенденции к установлению их адекватности, т. е. более или менее нормальной степени соответствия. В процессе жизни объекта возможно доминирование того или другого компонента пары над другим. Форма может устаревать. Старая форма «сбрасывается», уступая место новой, соответствующей новому содержанию.

Качество и количество

Во всяком социальном объекте можно обнаружить качественный и количественный аспект – качество и количество. Качество объекта (в моем словоупотреблении) образует совокупность его структурных компонентов с их свойствами и взаимоотношениями, благодаря которым этот объект сохраняется и без которых он существовать не может. Количество образует все то в объекте, что может быть подсчитано, измерено, вычислено и зафиксировано в величинах.

Даже отдельно взятый человек имеет социальную структуру – управляющий орган (мозг) и управляемое им тело. Количественно он характеризуется величиной «один». Способности его могут быть измерены (например, интеллектуальный уровень). Средства измерения изобретаются людьми. И работа эта есть явление сравнительно новое. Даже понятие «один» получило точное определение лишь в конце прошлого и начале нашего века (в основаниях математики, в формальной арифметике).

Качество и количество объекта суть именно аспекты единого целого. Они существуют не наряду друг с другом. Один без другого вообще не существует. Между ними имеют место разнообразные отношения. Одно дело, например, организация системы власти из нескольких десятков или сотен человек, и другое дело – из нескольких десятков и сотен тысяч, а то и миллионов человек. В реальной практике жизни эта зависимость постоянно игнорируется с соответствующими негативными последствиями. Когда советские реформаторы после 1985 года начали перестраивать советское общество по западному образцу, идеологи перестройки, изучавшие диалектику годами, полностью игнорировали рассматриваемую банальную истину, ссылаясь на образцы социальной организации, например, в Швеции и Швейцарии. Эту истину игнорировали и западные идеологи, поощрявшие и превозносившие советскую перестройку. Но они это делали умышленно, вполне отдавая себе отчет в том, что эта перестройка приведет страну к краху и деградации.

Отношение качества и количества характеризуется степенью соответствия. Есть определенные границы, в которых колеблется нормальная для самосохранения объекта степень соответствия, именуемая в диалектике мерой. Выход за ее пределы ведет либо к разрушению объекта, либо к качественным изменениям. Например, увеличение числа членов группы сверх некоторого максимума ведет к тому, что либо группа разделяется на две, либо сокращается число членов (излишние исключаются), либо в группе образуются подгруппы со своими руководящими лицами. Если число членов группы недостаточно для выполнения ее функций, группа либо ликвидируется, либо увеличивается численно, либо изменяет статус (например, сокращается объем выполняемых ею дел). С такого рода операциями люди имеют дело постоянно в практике своей жизни, не задумываясь над тем, что поступают в соответствии с одним из социальных законов, который заметили диалектики.

Отношение качества и количества не ограничивается утверждением диалектики, согласно которому количественные изменения ведут к качественным. Не все качественные изменения суть результат количественных. В человеческих объединениях постоянно происходят качественные изменения в рамках тех же количественных характеристик (например, реструктурирование). И количественные изменения не всегда ведут к качественным. В науке и в практике жизни людей известны так называемые допороговые изменения, не влияющие на качественное состояние объектов. И даже в случаях, когда количественные изменения ведут к качественным, первые суть лишь одно из условий вторых, причем порою не главное. С другой стороны, количественный аспект зависит от качественного. Например, размеры объединений людей зависят от организации, от типа управления, от квалификации членов объединения, от целей и т. п. Так что не только количественные изменения ведут к качественным, но и каче-

ственные ведут к количественным. Причем одни и те же количественные изменения в различных условиях ведут к различным качественным, а одни и те же качественные – к различным количественным. Так что диалектический «закон» перехода количественных изменений в качественные не есть всеобщий закон бытия. Это вообще не закон. Это есть лишь отдельное явление эмпирической реальности, замеченное философами прошлого, но не разработанное должным образом.

Количество фиксируется в языке в величинах. Величины разделяются на абсолютные и относительные. Первые выражаются в числах, вторые – в отношениях чисел (в процентах, степенях). С точки зрения научного подхода те или иные величины сами по себе не имеют смысла. Они имеют таковой лишь в связи с качественной характеристикой объектов и целями их исследования. В теоретическом исследовании, о котором идет речь в этой книге, измерение и вычисление величин играет роль подсобную. Причем интересы такой ориентации исследования настолько расходятся с интересами «конкретной» («эмпирической») социологии, что данные второй не имеют для первой почти никакого полезного значения, а зачастую просто вводят в заблуждение.

Социальные связи

Сфера социальных явлений включает в себя огромное разнообразие видов эмпирических связей объектов, которое лишь в ничтожной мере привлекло внимание логики и методологии науки, да и то косвенно и без использования идей и аппарата современной логики.

Чаще всего говорят о причинно-следственных связях. Но что такое причина и следствие? Никакой очевидности тут нет. И тем более нет некоего единственно правильного и общепринятого определения этих явлений. Известно несколько десятков различных определений. Не буду заниматься их логическим анализом. Возьму лишь то, что обще большинству из них: признание того, что следствие во времени следует за причиной, и того, что причина так или иначе участвует в порождении следствия.

По самим условиям социальной сферы методы выявления причинно-следственных связей применимы далеко не всегда и не так уж надежны. А в случае сложных исторических событий, представляющих собою совпадение и переплетение многих миллионов и миллиардов событий в пространстве и времени, понятие причинно-следственных отношений вообще теряет смысл. В таких случаях имеет место переплетение бесчисленных причинно-следственных рядов. Одни из этих рядов не зависят друг от друга, другие сходятся, третьи расходятся, четвертые затухают, пятые зарождаются и т. д. Индивидуальное историческое совпадение их в некотором пространственно-временном объеме само не есть причинно-следственный ряд, подобный входящим в него рядам, и не есть ни причина чего-то и ни следствие чего-то просто в силу определения самих понятий «причина» и «следствие» и методов выявления причинности. Потому искать тут причинное объяснение просто бессмысленно. Когда исследователи все-таки говорят в таких случаях о причинах, они используют слово «причина» не как научное понятие, а как весьма неопределенное и многосмысленное выражение общеразговорного языка. Методы обнаружения причинно-следственных связей к таким ситуациям в принципе неприменимы. Суждения, высказываемые в таких случаях в терминах причинности, в принципе непроверяемы. Потому в таких случаях всякий может выдумывать свою собственную концепцию. Потому тут возможны различные, порою взаимоисключающие, объяснения. И если какая-то концепция получает более или менее широкое признание, то происходит это не в силу ее логической доказуемости или эмпирической подтверждаемости, а совсем на других основаниях. Короче говоря, можно принять допущение, что каждое эмпирическое явление причинно обусловлено (ничто не происходит без причины), но фактически и логически ошибочно думать, будто для каждого эмпирического явления можно указать его причину или причины.

В теоретических социальных исследованиях причинно-следственные связи занимают ничтожно мало места. Основное внимание уделяется связям структурным, функциональным и генетическим, компоненты которых являются сосуществующими в пространстве и времени. И даже в тех случаях, когда компоненты связей возникают во временной последовательности, основное внимание исследователей сосредоточивается на их последующем сосуществовании. Понятия причины и следствия лишены смысла в применении к их отношениям. Например, какими бы ни были отношения государства и экономики во времени и как бы ни рассматривали их отношения представители различных школ и направлений в социологии, все они единодушны в одном: никому в голову не приходит мысль рассматривать государство как причину экономики или наоборот.

При всех разнообразиях эмпирических связей общим для них являются контакты эмпирических объектов, в которых происходит передача одними из них другим вещества или энергии. При этом одни отдают что-то, а другие это «что-то» усваивают (присваивают). Более сложные случаи – обмен. Контакты бывают непосредственными и опосредованными (через третьи объекты), одноактными, спорадически повторяющимися и регулярными. Более сложные слу-

чай – разделение целого на части с сохранением связи частей и объединение объектов в целое с сохранением их различия.

Специфика социальных связей (чаще употребляют выражение «социальные отношения») заключается в том, что в контакты вступают люди и объединения людей и связи их образуются, существуют и проявляются в сознательных действиях одних из людей и их объединений по отношению к другим. В этих контактах одни из компонентов связи отдают другим, а другие получают от них что-то, что необходимо и полезно для их существования. Одни отдают – это значит, что у них это отнимают силой или ставят в такие условия, что они вынуждаются отдавать «добровольно». Возможна и бывает заинтересованность в отдаче – при этом отдающие что-то выгадывают для себя. Другие получают – это значит, что они отнимают это у других силой, так или иначе вынуждают на «добровольную» отдачу или создают условия для выгодной для других отдачи. Отдают люди вещи, себя, свои силы и способности, продукты своей деятельности. Величина отдаваемого равна величине получаемого плюс потери на акт передачи. Невозможно получить больше того, что могут отдать. Более сложный случай – обмен. Для него имеет силу закон эквивалентности. На этой основе развиваются все прочие виды социальных связей, включая структурные и генетические. Исследование их образует основное содержание всякой теоретической социологии, в том числе и нашей логической социологии.

Объективные законы

Научное исследование ориентируется на открытие законов объектов или объективных законов.

Слово «закон» многозначно. В конкретных науках и в методологии науки говорят о законах науки (или научных законах), имея в виду определенного типа суждения об исследуемых объектах. Законами объектов называют то, о чем говорится в таких суждениях. Речь идет об одном и том же, только в первом случае – о языковых выражениях, фиксирующих законы объектов, а во втором случае – о том, что фиксируют эти выражения.

Научными законами (законами объектов) называют обобщения результатов наблюдений и экспериментов, которым приписывают какую-то особо важную роль в науке. С логической точки зрения суждения такого рода суть общие суждения фактов. К числу таких суждений относится, например, утверждение о том, что в демократических странах имеет место разделение власти на законодательную и исполнительную. Это – суждение о наблюдаемом факте, аналогичное по его логическому статусу суждению «Нормальная собака имеет четыре ноги». Кстати сказать, социологическая наука в основном состоит из суждений такого логического типа.

Научными законами (суждениями законов) называют также суждения, явно или неявно предполагающие определенные условия, при которых они всегда истинны. Я в дальнейшем буду иметь в виду только их, говоря об объективных законах.

В языковой практике условия законов обычно не учитываются совсем или подразумеваются как нечто само собой разумеющееся и всегда имеющее место. Это порождает путаницу, бессмысленные споры, идейные «перевороты» и даже умышленные спекуляции, когда обнаруживается важность явного учета условий в случаях их несоблюдения и изменения. Порою такие ситуации принимают грандиозные размеры, вовлекая большое число людей и растягиваясь на много десятилетий и даже на века. Например, спекуляции такого рода в физике приняли поистине эпохальные и глобальные размеры, по уровню мракобесия не уступая мистификациям средневековья. А в сфере социальных явлений на этот счет творится нечто невообразимое.

Чтобы некоторое суждение (совокупность суждений) А приобрело статус научного закона, необходимо условие В установить (подобрать специально!) таким образом, чтобы А было истинно всегда при наличии условия В. Если при наличии условий В возможны случаи, когда А ложно, то А не может рассматриваться как закон, отвергается в качестве закона. В практике познания условия В устанавливаются всегда лишь частично и приблизительно. В ряде случаев они вообще являются воображаемыми, невозможными в реальности. В таких случаях суждения «А при условии В» вообще не верифицируются (не подтверждаются и не отвергаются) путем сопоставления с эмпирической реальностью. Их ценность устанавливается косвенно, т. е. тем, что с их помощью получаются выводы, которые соответствуют или не соответствуют реальности. Они принимаются как аксиомы или на основе логических рассуждений, в которых А выводится из каких-то посылок, включая в них В. Условия А могут быть в той или иной мере достигнуты в эксперименте или выявлены в результате логической обработки данных наблюдений.

Надо различать общие черты (признаки) различных явлений и законы этих явлений. Для обнаружения общего необходимо сравнение по крайней мере двух различных явлений. Для выявления закона нужны логические операции иного рода. Закон может быть открыт путем изучения одного экземпляра явлений данного рода. Для этого нужен логически сложный анализ эмпирической ситуации, включающий отвлечение от множества обстоятельств, выделение непосредственно незаметного явления в «чистом виде», своего рода очищение закона от скры-

вающих его оболочек. Закон находится как логический предел такого процесса, причем не как нечто наблюдаемое, а как результат логических операций. Законы эмпирических объектов вообще нельзя наблюдать так же, как наблюдаются сами эти объекты.

Законы не следует также смешивать с причинно-следственными отношениями, с необходимостью, сущностью, содержанием и другими явлениями бытия, фиксируемыми логическими и философскими понятиями. У всех у них различные функции в фиксировании результатов познания, они выражают различные аспекты познания, различно ориентируют внимание исследователей. Однако как в языковой практике, так и в сочинениях профессионалов, которые по идее должны были бы тут наводить порядок, царит на этот счет невообразимый хаос.

Законы эмпирических объектов (законы бытия) не зависят от воли и желаний людей и вообще от чьей-либо воли. Если есть объекты, к которым они относятся, и есть необходимые условия, то они имеют силу, никто и ничто в мире не может отменить их действие. Можно ослабить их действие, скрыть, придать форму, создающие видимость их «отмены». Но они все равно остаются. Они именно такими и открываются исследователями, чтобы быть универсальными в отношении соответствующих объектов при соответствующих условиях.

Надо различать законы, как таковые, фиксируемые в абстрактной форме (скажем, абстрактные законы), и их конкретные проявления в частных случаях. Условия закона в реальности и в исследовании ее никогда не выполняются полностью, а порою не выполняются вообще. Одновременно действует множество законов, которые воздействуют на форму проявления друг друга и даже действуют порою в противоположных направлениях. Потому кажется, будто законы потеряли силу или их не было вообще. В реальности законы действуют как скрытые механизмы явлений и как более или менее явные тенденции.

Надо различать законы и следствия действия законов – закономерные явления. Люди, например, давно заметили регулярность смены времени суток и закрепили это знание в суждениях, выражающих уверенность в том, что на смену дня обязательно придет ночь, а на смену ночи – день. Но это не значит, будто они открыли закон природы, вследствие которого происходит смена дня и ночи. Обычно эмпирические законы в том смысле, как мы рассмотрели выше, и закономерные явления не различают и в качестве суждений законов рассматривают обобщения наблюдаемых фактов, подкрепляемые многократными повторениями и не сталкивающиеся с противоречащими фактами. В практике познания такого рода «законы» часто опровергаются, и по сему поводу устраиваются сенсации, кричат о «революциях» в науке, о ломке «устаревших» представлений. С логической точки зрения, однако, в таких случаях лишь выясняется ограниченность простой неполной индукции и логическая ошибка необоснованности обобщения.

Объективные законы суть законы эмпирических объектов, но сами они эмпирическими объектами не являются. Они сами по себе не возникают, не изменяются и не исчезают. Это не значит, что они вечны и неизменны. Просто по самому смыслу понятий к ним нельзя применять понятия возникновения, изменения, исчезновения, неизменности, вечности. Они не имеют независимости от объектов существования. Об их существовании мы судим не путем их непосредственного наблюдения (их невозможно видеть, слышать, трогать руками), а по их проявлениям в ситуациях с эмпирическими объектами. Они открываются на основе наблюдений эмпирических фактов, но открываются благодаря особого рода интеллектуальным операциям.

Сфера действия рассматриваемых законов ограничена множеством эмпирических объектов определенного вида. Никаких всеобщих законов бытия, имеющих силу в отношении любых (всех) эмпирических объектов, не существует хотя бы уже потому, что условия законов для объектов различных видов логически несовместимы в некое единое условие. Возможно, конечно, сформулировать утверждения, имеющие силу для всех эмпирических объектов. Но они (с логической точки зрения) будут либо логически ложными (противоречивыми), либо частями неявного определения понятия «эмпирический объект». Этому определению можно

придать форму системы аксиом. Выводимые в этой системе утверждения истинны по определению понятий. Они не являются эмпирическими законами. Их можно назвать дефинитивными законами. Они не открываются в изучаемых эмпирических объектах.

Субъективные и объективные факторы

Социальные объекты суть объекты эмпирические. Значит, на них распространяется все то, что говорилось в предшествующем разделе об объективных законах. Но они обладают свойствами, отличающими их от всех прочих эмпирических объектов, а именно – они обладают интеллектом, волей, способностью ставить цели и добиваться их осуществления, способностью планировать свои действия и предвидеть их результаты, короче говоря – обладают тем, что называют субъективными факторами. Наличие этих факторов порождает трудности в отношении признания объективных социальных законов, аналогичных в рассмотренном выше смысле законам объектов неживой и живой дочеловеческой (неразумной) природы. В самом деле, о каких независимых от воли и сознания людей законах может идти речь, если социальные объекты суть существа, наделенные волей и сознанием?!

Взгляд на субъективные факторы как на играющие решающую роль в историческом процессе и в организации человеческих объединений был доминирующим в истории социальной мысли и остается таковым в современном западном мире. Он поощряется западной идеологией, пропагандой и культурой. Описаниями сознательных и волевых действий людей, организаций, учреждений, властей заполнены бесчисленные газеты, журналы, книги. Ими полны телевизионные передачи и фильмы. За безработицу, инфляцию, кризисы, войны и прочие язвы современности винят политиков, предпринимателей, партии и конкретных людей.

Субъективные факторы до сих пор понимаются как нечто такое, что не подвержено действию объективных законов, и противопоставляются факторам объективным, которые считаются независимыми от воли и сознания людей. И для этого есть основания. В чем заключаются объективные факторы? Люди появляются на свет в условиях, которые достаются им в готовом виде от предшествующей истории и которые они уже не в силах переделать. Эти условия даны им как реальность, независящая от их сознания и воли. В человеческой жизни принимает участие большое число явлений, неподконтрольных их воле. Возникают непредвиденные следствия даже сознательной деятельности. Людей много, их цели разнообразны и зачастую противоположны. Суммарный результат их деятельности далеко не всегда совпадает с тем, к чему стремятся отдельные участники объединений. Люди совершают ошибки в своих расчетах. Возможности предвидеть ход событий ограничены. Думая о ближайших результатах своих действий, люди не задумываются над более отдаленными их последствиями. Плюс к тому – неосознанные и животнООобразные действия. И даже в тех случаях, когда последствия действий можно предвидеть, люди часто не считаются с ними, поскольку их частные интересы в момент совершения действий оказываются сильнее разумных предвидений. Наше время дает на этот счет устрашающие примеры, которые общеизвестны. К числу объективных факторов относятся свойства явлений природы, образующих среду существования людей и играющих в их истории и социальной организации роль несомненную.

На мой взгляд, различие субъективных и объективных факторов есть бесспорный факт, но противопоставление их в плане объективных социальных законов лишено смысла. Эти законы суть законы именно сознательной и волевой жизнедеятельности людей и их объединений. Они все-таки существуют и неумолимо делают свое дело.

В истории социальных исследований объективные социальные законы, как правило, не замечались, не осознавались в качестве таковых или отрицались совсем. Сравнительно немногие исследователи говорили об их существовании и как-то описывали их. Но суть дела не в общих заявлениях на этот счет, а в том, как именно понимаются эти законы и каким образом признание их выражается в теоретических построениях. Самой значительной, на мой взгляд, социальной концепцией, признающей объективные социальные законы и построенной на основе определенных законов такого рода, является марксистский исторический материа-

лизм. Критическое отношение к нему послужило одним из источников идей моей логической социологии. В дальнейшем я неоднократно буду высказываться по этому поводу. А сейчас я изложу мое понимание социальных законов.

Социальные законы

Социальные законы отличаются от законов неживой и живой дочеловеческой природы прежде всего объектами, к которым они относятся. Они суть законы человеческих объединений, структурирования этих объединений, функционирования и взаимоотношений их частей, поведения людей как членов этих объединений и т. д., короче говоря – законы социальных объектов.

Особенность социальных законов, далее, состоит в том, в каком смысле они объективны. Тут мало признать объективность в том смысле, в каком мы признаем объективность законов и вообще явлений неживой и дочеловеческой живой природы, т. е. в смысле признания их существования вне сознания исследователей, независимо от воли и сознания исследователей. Проблема тут заключается в том, что социальные законы суть законы сознательной и волевой деятельности людей, но они при этом не зависят от сознания и воли людей. Кажется, будто одно исключает другое, будто тут имеет место логическое противоречие. На самом деле тут никакого противоречия нет.

Тут надо различать два различных явления, а именно – отдельно взятые действия людей как эмпирические объекты и законы таких действий. Отдельно взятые социальные действия людей являются сознательно-волевыми, но законы этих действий таковыми не являются. Отдельные действия суть эмпирические явления, которые можно наблюдать непосредственно. Законы же их так наблюдать невозможно. Для обнаружения их, повторяю, нужна особая работа ума, особые познавательные операции. Применяя эти операции, исследователь должен сознание и волю людей рассматривать как объективные свойства особого рода эмпирических объектов, а именно – людей как вполне материальных существ, обладающих такими признаками, как сознание и воля. И эти признаки находятся вне сознания исследователя, не зависят в этом смысле от сознания и воли исследователя.

С точки зрения логических свойств нет принципиальной разницы между суждениями о законах физической, химической, биологической и т. д. природы и суждениями о социальных законах. Классическим примером первых может служить закон механики: «Тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения до тех пор, пока внешние силы не выведут его из этого состояния». Логическая структура его в явном виде такова: «Если на тело не действуют никакие внешние силы (условие А), то оно будет сохранять состояние покоя или прямолинейного равномерного движения (В)». Наблюдать ситуацию, фиксируемую в В, невозможно. Можно наблюдать только бесчисленные факты перемещения тел, причем с ускорением, с замедлением, по различным траекториям, с меняющимися траекториями и скоростями. Никто также не наблюдал то, о чем говорится в А, ибо на тела обычно действуют какие-то внешние силы. Это утверждение было изобретено впервые Ньютоном, причем изобретено не по правилам простой индукции, а по правилам мысленного эксперимента.

Возьмем теперь для сравнения один из самых простых социальных законов: «Если человек вынужден выбирать из двух вариантов поведения, которые одинаковы во всем, кроме одного признака, он выбирает тот из них, который лучше для него с точки зрения этого признака». В частности, если человек вынужден выбирать место работы из двух вариантов, которые одинаковы во всем, кроме зарплаты, и зарплата есть единственный источник существования для него, то он выберет тот вариант, где платят больше. В реальности такие условия выбора вряд ли могут встретиться. В реальности людям приходится выбирать из вариантов, различающихся по многим признакам, выбирать под давлением всякого рода обстоятельств, а не только из расчета на абстрактно лучший вариант. К тому же люди совершают ошибки в оценке ситуаций.

Объективность социальных законов вовсе не означает, будто люди не могут совершать поступки, не считаясь с ними. Как раз наоборот, люди их обычно вообще не знают и постоянно игнорируют их, поступая так, как будто никаких таких законов нет. Но люди столь же часто игнорируют законы природы, отчего последние не перестают существовать. Если, например, люди сеют пшеницу на покрытой льдом каменистой почве, о них не скажешь, что они считаются с законами природы. Они наказываются за свое пренебрежение к законам природы (за их нарушение!). Аналогично они наказываются за свое пренебрежение к социальным законам. Нарушение законов бытия не есть их отмена или изменение. Это – поведение, по тем или иным причинам не считающееся с ними.

Возьмем такой простой пример для пояснения. Пусть некоторое множество людей решило создать группу с целью совместных действий, для которых требуется именно много людей. Это решение их сознательное и волевое. Но чтобы группа могла достаточно долго функционировать как единое целое и справиться с задачей, в ней должен быть руководитель или даже руководящая группа, причем руководитель должен быть достаточно компетентен (адекватен делу), как и прочие члены группы. И эти требования суть объективные законы организации и успеха дела. Они суть независимые от сознания и воли людей факторы их сознательно-волевой деятельности. Люди не в состоянии отменить эти факторы по своему произволу, как они не в состоянии отменить закон тяготения. Люди изобрели летательные аппараты, позволяющие преодолевать силу тяготения. Но это не означает, будто сила тяготения перестала действовать. Так и в сфере социальных явлений. Приняв решение назначить руководителем группы некомпетентного дурака и распределив обязанности членов группы, не считаясь с их квалификацией, люди тем самым не отменили упомянутый выше закон группировки и адекватности людей занимаемым должностям. Они создали группу, подобную летательному аппарату, построенному без учета закона тяготения.

Вся история человечества полна бесчисленных примеров нарушения законов организации государственности и экономики и негативных последствий нарушений. Это дает основания теоретикам, идеологам и обывателям вообще отвергать социальные законы. Они представляют эти законы в виде неумолимых механизмов, которые действуют явно в каждом отдельном случае, и люди не могут их игнорировать. На самом деле люди, игнорируя (и в этом, и только в этом смысле нарушая) одни социальные законы, действуют в силу каких-то других законов. В реальности одновременно действуют различные законы, так что каждый из них проявляется именно через массу отклонений и нарушений, как и законы природы. Если бы было возможно наблюдать механизмы природных законов изнутри их сферы, как мы это делаем в отношении социальных законов, мы увидели бы картину, аналогичную той, какую видим в общественной жизни.

Если полностью выявить логическую структуру суждений и всего процесса открытия социальных законов, то можно установить, что тут имеет место предельное для данной ситуации исследования абстрагирование. Дальнейшее абстрагирование означает выход за эти пределы и утрату специфики интересующего исследователя объекта. Это – не предел обобщения, а предел отвлечения от эмпирических явлений. И обратный путь к реальности тут есть не прямое применение общих суждений к частным ситуациям, а процесс конкретизации абстрактных суждений путем включения в логические рассуждения каких-то факторов, которые не принимались во внимание в ходе открытия законов.

В конкретных социальных исследованиях и рассуждениях было бы громоздко каждый раз явным образом выражать логическую структуру той или иной ситуации. Обычно это не делают, отчасти подразумевая ее, а чаще вообще не отдавая отчета в этом и не умея это делать. Но, имея какую-то интуицию на этот счет, говорят о тенденциях, о стремлении и т. п.

Число социальных законов не ограничено логически. Их открытие ограничено способностями и потребностями исследователей. Все типы законов, которые можно видеть в есте-

ственных науках, в принципе могут быть открыты и в сфере социальных явлений. Это обусловлено тем, что типы законов характеризуются способами их открытия исследователями, которые (способы) изобретаются самими исследователями в соответствии с правилами логики и методологии науки.

Рассмотрим еще один пример с целью пояснения сказанного. Возможности человеческого объединения удовлетворять потребности своих членов неравномерны. Возникает несколько уровней таких возможностей и соответственно потребностей. Чтобы обеспечить удовлетворение потребностей некоторого числа людей на высшем уровне, нужно при всех прочих постоянных условиях (отвлекаясь от них) заставить трудиться и жить на более низком уровне в несколько раз больше людей. Конкретная величина должна быть измерена или вычислена в зависимости от типа объединения и его конкретных свойств. Причем с увеличением числа людей, претендующих на высший уровень удовлетворения потребностей, растет и число людей, вынужденных довольствоваться более низким уровнем, и растет в большей степени, чем рост первых. Характер роста упомянутых величин опять-таки можно измерить и вычислить. Так что обещание коммунистов обеспечить всех по потребности есть утопия, если его понимать буквально.

Социальные законы действуют не в одиночку, не изолированно друг от друга, а всегда в какой-то совокупности. Если исключить действие несоциальных факторов и принимать во внимание только социальные, то логически правомерно такое предположение: все, что в сфере социальных явлений происходит в силу стечения социальных обстоятельств, есть результат совокупного действия социальных законов, т. е. все это происходит закономерно. Но закономерно не означает, что это происходит с необходимостью. Закономерность и необходимость суть разные аспекты бытия и его познания. Например, разрушение природной среды есть закономерный продукт эволюции западной цивилизации, но не необходимый.

Социальные законы универсальны, т. е. одни и те же для всех времен и народов, где появляются социальные объекты, к которым они относятся, и соответствующие условия. Различны лишь конкретные формы их проявления и действия. Например, государственная власть организуется и функционирует по одним и тем же законам везде, где она возникает. Это не значит, что она везде одинакова. Она разнообразится в зависимости от различных факторов, достигает различных уровней развитости. Но законы, по которым это происходит, одни и те же. Поэтому исследователь, имеющий цель открыть именно социальные законы, а не что-то другое, вправе выбрать для наблюдения наиболее развитые и четко выраженные образцы социальных объектов. Нелепо, например, брать для исследования законов государственности примитивные общества, разумнее для этой цели выбрать западные страны с высокоразвитой системой государственной власти.

Социальные законы суть самые глубокие механизмы социальных явлений. Авторы сочинений на социальные темы так или иначе говорят о язвах общества и ищут тех, кто виновен в них. Одни при этом называют в качестве источника зол диктаторов и тиранов, другие – капиталистов и феодалов, третьи – партии и организации вроде партий нацистов, партий коммунистов, органов государственной безопасности, четвертые – экономический и технологический прогресс, пятые – чрезмерный рост населения, шестые – идеологию, седьмые – биологические законы, и никто не называет такой источник зол и таких тиранов человечества, какими являются объективные социальные законы. От этих зол и тиранов человечество не избавится никогда и ни при каких обстоятельствах. Меняя условия своей жизни, люди избавляются от одних тиранов такого рода, но с необходимостью попадают во власть других, порою еще более жестоких. В мире никогда не было, нет и не будет идеального общества всеобщего благоденствия не по произволу каких-то злоумышленников, а в силу объективных законов бытия.

Наше время дает богатейший материал для познания социальных законов, близкий к лабораторным условиям. Мы являемся свидетелями крушения одних человеческих объеди-

нений и образования других. На наших глазах происходят стремительные и грандиозные социальные преобразования. Этот опыт позволяет пересмотреть традиционные и привычные социологические концепции, сложившиеся на основе опыта прошлых веков, отбросить многочисленные предрассудки, накапливавшиеся в сфере социальных исследований веками. Но, увы, в наше время происходит такая мощная и всеобъемлющая идеологическая фальсификация именно упомянутых перемен и преобразований, что рассчитывать на использование рассматриваемой возможности не приходится.

Законы диалектики

Выше я сказал, что никаких всеобщих объективных законов, имеющих силу для всех эмпирических объектов (всеобщих законов бытия), не существует. А между тем именно на создание такого учения о всеобщих законах бытия претендует диалектика, по крайней мере в том виде, какой она приобрела в советской философии. Остановимся на этой теме специально, поскольку диалектический подход к социальным явлениям есть, на мой взгляд, необходимое условие построения научной теории социальных явлений.

Надо различать диалектический подход к изучаемым явлениям и диалектику как учение о законах бытия. Первый уместен не всегда, а лишь в отношении объектов определенного рода и лишь с определенной целью. Иногда он необходим для научного познания, но не обязателен во всех случаях познания. Когда его навязывают в качестве обязательного, он превращается в идеологическую чепуху. Но к тем же результатам ведет его запрет или игнорирование в случаях, когда он на месте и необходим.

Что касается диалектики как учения о законах бытия, то надо различать то, какой вид это учение имеет в сочинениях мыслителей прошлого и их последователей, и то, как такое учение может быть построено в рамках логики и методологии науки, т. е. вне идеологии. Во втором случае правомерно лишь следующее. Замечая факты возникновения, изменения, связей, эволюции и т. д. эмпирических явлений (факты объективной диалектики), мы вправе ввести соответствующие понятия и осуществить обобщения в рамках этих явлений, а не для всего бытия вообще. Например, наблюдая факты единства и борьбы противоположностей, мы вправе определить, что это такое, ввести соответствующие обозначения и произвести какие-то обобщения наблюдаемых процессов возникновения противоположностей, их взаимоотношений, конфликтов и их разрешений. Но логически ошибочно утверждать, будто всем явлениям бытия свойственно такое. Из определения понятий такой вывод не следует. Зато можно показать, что такое чрезмерное обобщение на все бытие порождает логические противоречия. Если всем явлениям бытия свойственны единство и борьба противоположностей, то и объектам, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, свойственны единство и борьба противоположностей. А это логическое противоречие означает, что рассматриваемое обобщение на все явления бытия ложно. Можно возразить, что объекты, которым не свойственны единство и борьба противоположностей, не существуют согласно нашему обобщению. Но в таком случае обобщение превращается в тавтологию: всем объектам свойственны единство и борьба противоположностей, за исключением тех, которым они не свойственны. Аналогично обстоит дело с прочими чрезмерными обобщениями диалектики. Сказанное не есть словесная казуистика. Диалектика как учение есть языковая конструкция, и, как таковая, она должна строиться в соответствии с правилами логики. И прежде всего она должна быть логически непротиворечивой. Пренебрежение к логическому аспекту было и остается характерным для всех сочинений на тему о диалектике. Это – один из отличительных признаков идеологии: сочетание псевдологичности с фактической антилогичностью.

Логическая обработка понятий и утверждений, отражающих диалектику бытия, устанавливает сферу применимости и уместности диалектики как учения, удовлетворяющего критериям научности. Диалектика как учение очевидным образом лишена смысла в математике и вообще в так называемых точных науках, в которых объекты создаются определениями понятий, но вполне правомерна в сфере эмпирических наук, объекты которых существуют независимо от исследователя и его понятий. Но даже в этой сфере далеко не всегда есть надобность в диалектике и условия для ее применения. Условия применимости диалектики оказались ограниченными самими ее понятиями, а надобность в ней – характером исследуемых объектов. Сфера социальных исследований является такой, да и то в ограниченном смысле.

Рассмотрим такой пример. По опыту знаем, что в объединении людей, рассчитанном на длительное существование и деятельность в качестве единого целого, должен образоваться управляющий орган из одного или нескольких членов объединения. Он должен взять на себя функции, аналогичные функциям мозга отдельно взятого человека. На долю прочих членов объединения выпадают функции управляемого тела. Если это не будет сделано, объединение будет нежизнеспособным, будет плохо функционировать и распадется. Выражаясь языком диалектики, тут происходит раздвоение единого: члены объединения разделяются на руководителей (управляющих), воплощающих в себе «мозг» объединения, и руководимых (управляемых), воплощающих в себе управляемое «мозгом» «тело» объединения. Первые сохраняют тело, вторые – мозг. Но в объединении происходит их разделение и воплощение в его различных частях. Эти части противоположны – одна управляет, другая управляется. Их функции и интересы в этом отношении противоположны. Вместе с тем они образуют единство. Одна часть нуждается в другой. Лишь в единстве они могут существовать как целое. И лишь в целом они оказываются противоположностями.

Анализируя такого рода сравнительно простые ситуации, я установил для себя следующее. То, что философы в весьма туманной (именно философской!) форме обобщают под именем законов диалектики, отчасти может быть понято как неявные определения понятий и логические следствия из этих определений (т. е. как дефинитивные законы, по моей терминологии), а в другой части – как законы эмпирической комбинаторики. Поскольку я ограничивался сферой социальных объектов, я эти законы для себя назвал законами социальной комбинаторики.

В простых случаях действие законов социальной комбинаторики настолько очевидно, что людям в голову не приходит мысль, что тут вообще действуют какие-то законы, подобно тому, как бесчисленным людям, видевшим падение яблок на землю и даже испытывавшим их удары по своей голове, не приходила в голову мысль о законах тяготения. И тем более в отношении таких банальных ситуаций кажется неуместным употребление высокофилософских слов вроде «закон», «диалектика», «противоположности» и т. п. – это все равно что стрелять из пушек по воробьям. Вот если поговорить о целых обществах, эпохах, цивилизациях, человечестве и т. п. – это другое дело! Это масштабно и престижно.

А между тем именно «маленькие» законы социальной комбинаторики делают основную работу по организации и эволюции человеческих объединений. Они имеют силу и в отношении «больших» социальных явлений. Только тут они дают о себе знать более или менее заметным образом в переломные эпохи, когда «философские пушки диалектики» кажутся уместными и даже очевидными. Не случайно поэтому в революционный XIX век многие выдающиеся умы были диалектическими, и диалектика завладела умами нескольких поколений, жаждавших преобразований социального строя своих стран и веривших в их прогрессивность. Не случайно также то, что в нашу эпоху величайшего перелома в истории человечества страх перед тем, что приходит на смену настоящему, порождает ненависть к диалектическому «повороту мозгов», ориентирующемуся на истину, какую бы дурную весть она ни приносила.

Эволюция социальных объектов

Философская диалектика содержит учение о законах эволюции. Эти законы суть следующие: 1) единство и борьба противоположностей; 2) переход количественных изменений в качественные; 3) отрицание отрицания. Первый из них определяет некую первопричину или первоисточник изменений объектов. Бесспорно, что в некоторых случаях борьба противоположностей (в частности, борьба антагонистических классов) порождает какие-то изменения в жизни людей. Но так бывает далеко не всегда. И превращение борьбы противоположностей во всеобщий источник (двигатель) социальных изменений (включая развитие) есть типичный пример идеологического извращения реальности. Я принимаю законы раздвоения единого, поляризации частей, их противостояния и т. д. в качестве законов социальной комбинаторики наряду с другими. Что касается причин (источников) изменений, то тут в каждом случае надо искать какой-то конкретный комплекс факторов. Никакого универсального, пригодного для всех случаев изменений объектов объяснения их причин не существует хотя бы уже потому, что реальные причины изменений в различных случаях могут исключать друг друга.

О соотношении качества и количества я уже говорил. Добавлю к сказанному еще следующее. Возникновение нового качества в эволюции социального объекта есть возникновение нового, более высокого уровня в его социальной структуре. В дальнейшем этот аспект социальной эволюции будет рассматриваться как один из важнейших.

В философской диалектике возникновение нового качества рассматривается как качественный скачок, как перерыв непрерывного. Что из себя на самом деле представляет этот скачок, перерыв непрерывного процесса? На самом деле это есть процесс, происходящий в протяженном временном интервале, а не нечто абсолютно внезапное, не требующее времени. Всякое изменение эмпирических объектов происходит во времени, т. е. в течение временного интервала, превышающего некоторую минимальную величину. В истории человечества такие «скачки» растягиваются порою на многие десятилетия и столетия. Впечатление вневременного скачка создается по многим причинам. Исследователи обычно игнорируют в таких случаях фактор времени или отодвигают его на задний план, обращают внимание на конечный результат процесса и качественное отличие его от предшествовавшего состояния. Когда процесс завершается, промежуточные и частичные состояния, события и перемены исчезают в прошлое и образуется как бы разрыв, создающий впечатление внезапности перемен. Сравнительно со временем существования объектов в рамках устойчивого качества время на переход в новое качество обычно невелико, выглядит как исторический миг. Элементы нового качества вызревают в рамках привычной среды, и люди не воспринимают их как приближение нового качества. Когда они осознают это, процесс уже в основных чертах завершается, перелом остается позади. А порою люди, страшась нового, активно не хотят замечать его приближения, выдавая нежелаемое за несуществующее. Именно такую ситуацию переживаем мы сейчас. Чувствуя и подозревая, что формирующееся в человечестве качественно новое состояние несет с собою огромным массам людей нечто устрашающее, люди прилагают усилия к тому, чтобы не осознавать его, надеясь, будто тем самым могут предотвратить его. Но, увы, они уже опоздали: мы уже живем в «миг» истории, в котором новое качество стремительно складывается, и уже вряд ли кто в состоянии остановить этот процесс «скачка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.